

В ГОРОДЕ ОКТЯБРЯ

В 1917 году В. И. Ленин в Стольном (в Ленинграде) с трибуны II Съезда Советов призывал трудящихся к захвату власти. Теперь, через десять лет, вторая сессия IV созыва ЦИК СССР собирается опять в городе Октябре для подведения итогов десятилетия и для дальнейших побед на ленинском пути.

Из фильма „Октябрь“, работы С. М. Эйзенштейна.

Вы можете изучить
у себя дома в любое время не отрыва-
ясь от вашей повседневной работы,
следующие предметы:

1917 „ПОЛИГЛОТ“ 1927

ЗАОЧНЫЕ
Промыш.-эконом.
и художеств.-тех-
нические курсы
„ПОЛИГЛОТ“
По окончании курса
учащиеся подвергаются
испытанию в
спец. экзаменацион-
ной комиссии и получают
соответствующее
свидетельство.

Самый живой, по-
пулярный, богато
иллюстр. журнал
техники и есте-
ствознания

**„В Мастерской
Природы“**

Дает в 1928 г.
12 книг журнала
36 приложений
3 р. в год (без прилож.).
Подр. каталог беспл.

Адрес Конторы:
Ленинград, Пр. Володарского, 25.

ЧЕРЧЕНИЮ легко выучиться
по пособиям
А. Д. ДЕМКИНА.
требуйте во всех книжн. маг. и от ав-
тора. Москва (центр), Покровка 50/4.

**ВЫСЫЛАЕМ
ПОЧТОЙ**
КЛУБНЫЕ ИГРЫ

ШАХМАТЫ — 1,50, 2,50,
3,75, 5, 7 и 10 руб. Доски
шахматные — 2,50, 3 и 5 р.
ШАШКИ — 45 к. и 60 к.
Доски картон. — 45 к. шт.
ДОМИНО — 1,20, 1,50, 2,50
и 3,75. **ЛОТО** от 2,50 — 7 р.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ
САМОВАРЫ никелиро-
ванные, банкой — 25, 30,
35 р. шт., рюмкой — 30 р.,
35, 40 р. шт. **Примус** —
8,50, **Неросиновая кух-**
ня (типа Герц, с 2-мя
фитилями) — 13,50 штука.
Портфели кожаные от
12—30 р. **Бритвы за-**
граничные 12, 15 и 20 р.
Бритвы безопасные —
5, 6,50 и дороже. Бритвен-
ные приборы (никелевые)
5 и 7,50.

ЧАСЫ ХОДИКИ 5,50, 6.

■■■ **РАДИО** ■■■

Стандартные посылки (ра-
диоприемник с монтажн.
материалом) 35, 40, 60 и 65 р.
Задаток 25% остальное на-
ложенным платежом.

Иллюстрированный препо-
нурт: музыка, спорт, фотография, инд.
принадлежности, парижские часы,
хозяйственный отдел, радио, кра-
сивые для материи, кожаные ту-
журки и пр. высылают за 2 вост-
но-копеечные марки. Москва, Гл.
Почтамт, ящ. 1031.
ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО.

ШРИФТЫ
Альбом Д. А. ПИСАРЕВСКОГО, ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАД.-АРХИТ.
И. А. ФОМИНА, ПРИ УЧАСТИИ 32-х ЛЕНИНГР. ХУДОЖН.-ГРАФИКОВ.
Альбом содержит 95 таблиц шрифтов, из них 56 заняты алфави-
тами от А до Я (многие в красках), подробные описания построе-
ния каждого из шрифтов, методы их применения в разных
областях. Типографских шрифтов в альбоме не имеется. Каждый
из шрифтов — оригинальное произведение одного из художников
(Техонина, Велуха, Левит, Кого, Кирнарского, Хижинского, Ко-
нашевича, Литвиненко, Лялина и т. д. Альбом предназначен
для инженеров, чертежников, топографов, архитекторов, живо-
писцев, плакатистов, каллиграфов и т. п. Каждый найдет в нем
высокохудожеств. образцы для своих работ. Альбом выпущен
двумя изданиями: 1) на александ. бумаге, в худож. переплете —
цена 7 р. 50 к., 2) на хорош. белой бумаге, в худож. обложке —
цена 4 р. 50 к. Присылающие деньги вперед за пере. не платят.
Высылаются также наложен. платежом с добавл. пересылки.
Адресовать автору: Ленинград, Кирочная ул., № 2—10.
Д. А. ПИСАРЕВСКОМУ.

КНИГА НОВОСТЬ
2-е изд., переработ. и дополнен. Устав о государственном гер-
бовом сборе и положение о на-
логе с обращения ценностями.
С руководством по оплате гербо-
вым документам:
1. Отличительные особенности но-
вого Устава. 2. Правила обложе-
ния по новому Уставу. 3. Алфа-
витный перечень документов, по-
лежащих гербовому, с указанием
разряда или %, суммы сбора и
сроков оплаты. 4. Алфавитный пе-
речень изъятий от гербового. 5. Ал-
фавитно-предметн. указат. — 60 к.
Москва, Неглин. ул. пасс. МУНИ
(б. Солд.), пом. № 2.
ИЗДАНИЕ МОСФИНОТДЕЛА.
Заказы исполняются наложенным
платежом немедленно.

ПУДРА „АНГО“
ТОНКА НЕЖНА и ХОРОШО ПРИСТАЕТ
НЕ УСТУПАЕТ
ЛУЧШИМ ЗАГРЯНИЧНЫМ МАРКАМ
КРЕМ „АНГО“
ПРОТИВ ЗАГАРА и ВЕСНУШЕК
ПРИДАЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЕЛИКУЮ КОЖЕ
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ

СЕРЬГИ
посл. моды Парижа се-
ребр. с жемчуг. иск.
высылаю нал. плат. по
3 руб. за 1 пару на вы-
бор. Купиш. 5 пар —
25% скидка. Ленинград,
пр. Нахимова 15, кв. 29
Л. Штейн.

СТЕНОГРАФИЯ для ВСЕХ
Руков. для самообучения Н. Н. Соно-
лова, 2-е изд. Ц. 2 р. 40 к., нал. плат.
2 р. 75 к. Руков. исправл. почерка
Н. Я. Навыкина, 210 упражн. с прил.
транспарантов. Ц. 1 р. 50 к., нал.
плат. 1 р. 80 к. **МОСКВА, И. База-
нов, д. 6, кв. 1. ПАРШИН, И. А.**

ПРОИЗВОДСТВО
ФОТО-БУМАГ
— „ДАГЕР“ —
ВЫПУСКАЕТ высшего качества бромосеребряную бумагу и
открытки глянцевой, полуматовой и матовой поверхностей,
всех размеров.
Прейскурант и образцы высыл. по первому требованию беспл.
Заказы выполняются по получении задатка в размере 25%
быстро и аккурратно.
Корреспонденции и заказы адресовать: Москва, Нарет-
ный ряд 14, пом. 2. Тел. 1-21-99. Производство Фото-
бумаги Я. М. ШВАРЦА и Д. Е. СОЛЬЦА.

НОВИНКИ
„ВЕТРО ДВИГАТЕЛИ“
для м-льниц, водокач., стан-
ков и электростанций итд.
Фентенилю. 176 стр. 124 рис.
2 р. 50 к.

Б. А. ЕВДОНИКОВ.
ПРАКТИЧЕСКАЯ
ФОТОГРАФИЯ
В трех част. 384 стр. 129 рис.
3 р. Его же. Как получить хоро-
ший негатив — 80 к. Шперель.
Фотограф. справочник. Ц. 2 р. 10 к.
Селиванов. Багетно-рамочное
производство — 60 к.

Заворяев. — Слушник рыбо-
лова-любителя — 50 к. Селива-
нов. — Плетение сетей — 60 к.
Требуйте каталог № 6. Вы-
сылаю бе. платно. Цены без пе-
ресылки. Стоим. перес. одной
книжки — 30 к., двух — 82 к. трех —
5 к. и т. д. Книжн. магазин
А. С. Степанова.
Ленинград, Пр. Володарск. № 31

Полная общедоступная
Школа Электротехники
В ТРЕХ КНИГАХ
С многочисленными рисунками.
Перевод нового популярного труда
немецкого ученого Ганса Гюнтера
Все книги напечатаны и высыл. за
5 р. 50 к. Заказы и деньги адр.:
МОСКВА, улица Герцена, д. 9/3
„РУССКО-ИНОСТРАННАЯ КНИГА“.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗ.
не следует изучать по устарев-
шим методам. Лучшим при-
знан новый метод Мертнера,
не требующий заучивания
слов и правил. Немецкий са-
моучитель, реком. Всер. К-ом
содействия пром.-экон. образ-
и доп. Гос. Уч. Советом, вы-
сыл. за 2 р. 85 к. Такой же
Английский самоучитель вы-
сылается за 3 р. 15 к.
МОСКВА, ул. Герцена, 9/3
„Русско-Иностранная Книга“.

ПУЛЬВЕРИЗАТОРЫ
для парикмахеров и хирургических целей.
Металлические, никелированные, большого размера
американской конструкции, **ВСЕ ПРОВЕРЕННЫЕ**
ВЫСЫЛАЮТ НА КАЖДОЙ ДЕНЬ
4 р. 25 копеек. Высылаю при получении стоимости.
Адресовать М. И. ГЕЙЛИКМАНУ. ОДЕССА.
Ул. Лассалы, № 11.

Подарок молодым хозяйкам
ДЕШЕВЫЙ СТОЛ
Кулинарная книга, свыше 300 мя-
сных и вегетарианских блюд, с
приложением
МЕНЮ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ
Цена с пересылкой 95 к., налож.
плат. 1 р. 10 к. Заказы направлять:
Москва Центр, почтовый ящик 794
ЭЛЬЯШЕВУ.

ЛЮБУЮ КНИГУ
новую, редкую, распродажную по
технике, медицине, сельскохозяй-
ственным и др. вопросам.
УЧЕБНИКИ для ВСЕХ УЧЕБ.
ЗАВЕДЕНИЙ
Учр., орган. и школ. скидка. Высыл.
немедл. наложенным платежом.
ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГ БЕСПЛАТНО
КНИЖНАЯ
Торговля А. Г. Алексеева.
Москва, Центральный рын. № 767/0.

ВЫПИСЫВАЙТЕ ПО ПОЧТЕ
ПЛАТЬЯ
ПОСЛЕДНИХ ФАСОНОВ:
ситцевые 4 р. 40 к., бумажные 8 р. 50 к.,
Шерстяная шотландка 20 р. **Очень модные**
трикотажные 15 р. Шерстяные, черные
24 руб. ЮБКИ из шерстяной шотландки
9 руб. 50 к., шерстяные черные 11 р.
КОСТЮМЫ ДАМСКИЕ трикотажные очень
модные 18 р. и 27 р.
Пальто зимние с меховыми воротниками и
95 р., 120 р. и 150 р.
Пальто летние из брезента серые, защит-
ные, коричневые. 12 р. и 15 р.;
плащевой ткани 20 р. с поясом на 2 р. дорожке.
Заказы выполняются по получении 25% за-
датка и мерки объема груди и талии.
При несоответствии мерки товара обменивается.
Высылающ. полностью деньги при заказе за пере. не платят.
Прейскурант высылается по получении 15 коп. герб. марк.
МОСКВА, ул. Фрунзе, д. 1/2 А Промкооператив „НОВАЯ ОДЕЖДА“.

ПОЛЬЗА объявлений в «ОГОНЬКЕ» ГАРАНТИРОВАНА исключительным тиражом журнала

ОТ ЛОНДОНА ДО МОСКВЫ

ПОДПИСАНИЕ СОВЕТСКО-ПЕРСИДСКОГО ДОГОВОРА 1-го ОКТЯБРЯ С. Г. Сидят (слева направо): гг. А. И. Микоян, Г. В. Чичерин, Л. М. Карахан и Ф. А. Ротштейн, г. Абдул-Гусейн-хан Масуд-Ансари — первый секретарь персидского посольства в Москве, г. Голям-Риза-хан Нурзат — поверенный в делах Персии в Москве, и Али-Голи-хан Ансари — персидский министр иностранных дел.

Этой весной на улицах Решта царило особое настроение.

Купцы, открывшие свои магазины, как всегда, рано утром, вместо того, чтобы сидеть на обычном месте, на ковре у входа, группами стоят на улице и о чем-то разговаривают. Всегда сдержанные, расчетливые в движениях, персы сегодня проявляют все признаки волнения: жестикулируют, кричат, перебивают друг друга.

Вот к одной из групп подходит почтенный „арбаб“. Те, кто только что горячо спорили, умолкают, почтительно кланяются вновь прибывшему и ждут его приветствия. Арбаб знает причину волнения купцов.

Однако вежливость не позволяет ему сразу заговорить о деле, и лишь после обычных приветствий он переходит к разговору на тему, что собственно является причиной столь необычайного поведения купцов.

А причина эта немаловажная. Вчера вечером, когда базар уже закрылся, из Тегерана приехал Мамед-Усейн-Ага, и тотчас же у „хаджи“ состоялось собрание богатых и уважаемых купцов города.

На собрании обсуждался вопрос об отношении к Советской России, о торговле с ней, о договорах, и было решено договор не подписывать, а торговле объявить бойкот.

Бойкот — слово страшное.

Бойкот, это значит война, пусть бескровная, но все же война. Бойкот — это значит, что весь урожай риса по Гилян и Мазандарану останется на складах у арбабов и крестьян, на складах же останутся сабаз, курага, миндаль, фисташки и другие сушеные фрукты из Казвина, Мазандарана, Астрабада и Исфагана.

— Кому нужен бойкот? Кому выгоден бойкот? — спрашивали купцы друг друга и, вспомнив хаджи, замолчали.

Хаджи — самый уважаемый купец города; он богат, и от него зависит если не весь базар, то добрая его половина. Хаджи — свой человек в английском консульстве и у директора концессионного английского банка. В таких делах, как бойкот русских товаров, ему и карты в руки.

Вчера на собрании купцов он долго говорил об опасности, которая грозит персидским купцам и всей стране, если они не бросят торговли с большевиками.

Молча выслушали таджиры уважаемого хаджи, не смея его перебивать и ему противоречить. Так же молча подписали они длинную телеграмму в Тегеран председателю меджлиса и министру иностранных дел, в которой с соблюдением всех правил персидского красноречия говорилось о том, что „весь народ Персии“ протестует против подписания соглашений с большевиками.

Прошло несколько месяцев. Жаркое и душное гилянское лето кончилось. Началась прохладная осень, а с ней начались дожди, непрерывные, тоскливые дожди Гиляна. Несмотря на разгар рисового и фруктового сезона, дел не было, на север на Баку товар не грузили, бойкотировали, на юге англичанам он был не нужен.

Купцы волновались: если так будет продолжаться, им грозит разорение.

Купцы вновь собрались, чтобы обсудить положение, на этот раз собрались у Мирза-Али-хана. Мирза-Али всю свою жизнь торгует с Баку, с Нижним, с Москвой, его богатства от этого не уменьшаются, а, напротив, растут.

— Что же надо сделать? — спрашивают его собравшиеся.

— Надо послать телеграммы: одну — в Тегеран, в меджлис, другую — в Москву, в Москве Али-Голи-хан-Ансари, министр иностранных дел; он умный, рассудительный человек, и он патриот. Надо просить его скорее договориться с Советским правительством. И тогда, — добавляет он, — инш Алла, наши дела поправятся.

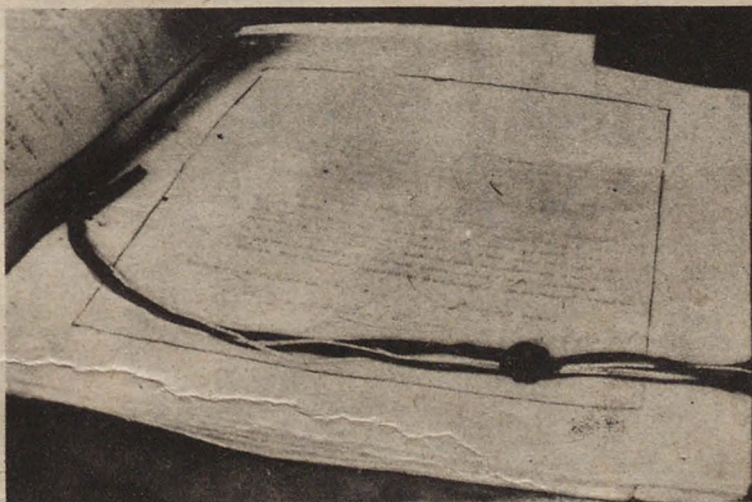
Телеграмму послали и стали ждать.

Ждать пришлось недолго. Второго октября советское генеральное консульство объявило о подписании советско-персидских договоров.

Весть об этом быстро разнеслась по базару, и уже через полчаса в советское консульство пришли купцы, чтоб поздравить „рафик¹ консула“ с событием, закрепляющим дружбу между Россией и Персией. Хаджи среди них не было.

Напротив, в английском консульстве господин генеральный консул его величества короля английского нервно комкал в руках свежий номер газеты „Нахит“, в котором под напечатанными крупными буквами заголовком — „Великая радостная весть“ — народы СССР и Персии поздравлялись с заключением „договора, дарящего жизнь“.

А. Смирнов.

Текст пакта о гарантиях и нейтралитете между СССР и Персией, подписанный 1 октября с. г.

К вечеру, как только закрывается базар, Решт быстро замирает.

В английском консульстве — свет. Здесь собрались: консул, его секретарь, директор английского банка и... хаджи.

Не торопясь, с достоинством рассказывает хаджи о собрании купцов и вынесенном на нем решении, и в доказательство протягивает консулу телеграмму.

Не даром английский консул провел несколько лет в Персии, он без слов понимает, чего хочет хаджи.

— Заплатите хаджи, — говорит он директору банка, и добавляет: — за телеграмму.

¹ Рафик — товарищ.

Поезд т. Бородин. В Москву приехал из Монголии М. М. Бородин.

См. очерк «Кто такой Бородин» в № 26 журнала «Огонек». Фот. С. Фридлянда.

Тов. Кржижановский о Волго-Донском канале. 23 сентября Ростов посетил председатель Госплана СССР тов. Кржижановский.

Общие выводы, к которым приходишь при ознакомлении с будущим направлением Волго-Донского сооружения, — говорит Г. М. Кржижановский, — таковы, что они подтверждают правильность разработки всего проекта. Приходится под-

разделить все поле будущих работ по сооружению канала на два главных участка: один участок, 30-верстный, наиболее возвышенный, тяготеющий к Волге, и другой — около 70 верст, представляющий спуск от основы подораздела к Дону. Представляется весьма вероятным, что на волжском участке целесообразно будет развернуть более механизиро-

ванные земляные работы, тогда как на 70-верстном протяжении, тяготеющем к Дону, мы имеем чрезвычайно удобные обстоятельства для широкого развертывания земляных работ вручную с минимумом механических приспособлений.

На снимке: осмотр землечерпалки на Волго-Доне. Фот. В. Игнатовича.

Праздник германского милитаризма. В то время как польская делегация в Женеве предложила объявить всякую войну вне закона, — в Танненберге, на открытии памятника уби-

тым войнам, Гинденбург произнес ярко-милитаристическую речь, заявив о том, что Германия мечтает о реванше.

На снимке: генерал Гинденбург возлагает золотой венок у подножия памятника в Танненберге.

Новая победа советской авиации. Советский летчик Шестаков совершил удачный перелет в Японию и обратно по рейсу: Москва—Токио—Москва. Расстояние в 30 тысяч километров от Москвы до Токио Шестаков покрыл в 12 дней

и был торжественно встречен японскими властями, общественными и авиационными организациями.

На снимке: японцы на аэродроме в Тамаке несут на руках летчика Шестакова и борт-механика Фудзуэва.

Альбом Советской Самиры

Избранные рисунки, шаржи и карикатуры

Б. Антоновского, Ю. Ганфа, А. Дейнека, Дени, К. Елисеева, Б. Ефимова, В. Козлинского, И. Малинина, Д. Мора, А. Радакова, Н. Радлова, К. Ротова, М. Черемных.

Цена—1 руб. Заказы направлять: Москва, 9, «ОГОНЕК».

Тверской бульвар, 26.

Высылка производится также наложенным платежом.

Маски Санио и Ванцетти. Перед сожжением Сакко и Ван-

цетти были сняты маски, запечатлевшие в последний раз их лица. Слева—маска с лица Сакко, справа—Ванцетти.

С настоящим номером «Огонька» рассылается книжка: «М. Горький в портретах и фото-

графиях», изданная по случаю 35-летия литературной де-

ятельности писателя Библиотекой «Огонек».

В книжке—в снимках и портретах—даны важнейшие этапы жизни М. Горького. С 1889 г., с Нижнего-Новгорода — до последнего времени, через многие города, страны и всевозможные обстоятельства, проходит облик крупнейшего нашего писателя, ставший близким и родным для сотен и сотен тысяч, воспитавшихся и сейчас воспитывающихся на изумительных страницах его бодрых и полных любви к человечеству книг.

Мигуэль Сервантес Сааведра, автор бессмертного «Дон Кихота», является давно признанным мировым писателем. Его новеллы, проникнутые тонким юмором, глубоким пониманием жизни и недостыжным изяществом стиля, читаются и теперь с огромным интересом. «Плутовская новелла», вышедшая в Библиотеке «Огонек», изображает быт

испанских воров эпохи Возрождения и, помимо художественных достижений, служит еще ценным памятником своей эпохи.

«Плутовская новелла» рассылается с этим номером журнала.

Сенсационный матч в Америке. В Чикаго состоялся матч бокса между двумя знаменитостями в этой области: Джеком Демпси и Джен Тенней. Матч этот должен был установить первенство в области бокса среди тяжеловесов. Другими словами, Демпси и Тенней соперничали на звание чемпиона мира в области тяжеловесного бокса.

Все знают, что Америка—страна сенсаций, во, однако, трудно себе представить, до каких чудовищных размеров буржуазная американская печать и широкие круги обывательщины раздули это спортивное событие.

Еще задолго до матча столбы продажных американских газет трубили о «великом сражении нашего века». За неделю до матча все гостиницы и меблированные комнаты Чикаго были переполнены американцами, съехавшимися на зрелище.

Огромный маневр, так называемый «Солджерс Филд», вместил около 170 тысяч человек. Нечего и говорить, что билеты продавались по баснословно высоким ценам. Приличные места стоили не меньше 40 долларов. Тенней, независимо от результата матча,

должен был получить гонорар в миллион долларов. Демпси же

Тенней.

только половину. Ведь он — бывший чемпион мира,

уступивший свое первенство в прошлом году Тенней! И, конечно, вне зависимости от исхода бокса предприниматель Текс Рикард положил себе в карман недурную сумму, не меньшую, чем вознаграждение Тенней.

Около 9 тысяч полицейских поддерживали порядок на стадионе. Так как власти опасались каких-либо выступлений со стороны экспансивной толпы. Составлялись сотни гари, разгорались страсти... Демпси — представитель особого типа боксера-профессионала, для которого единственная цель — броситься на противника и уничтожить его. Он борется ради борьбы и его дикий инстинкт сводит мускулы и мозг в одно целое. Вглянитесь на фотографию Джека Демпси, и вы увидите его, так сказать, грубую телесную непосредственность. Он является, собственно говоря, героем современной Америки, переживающей глубокий культурный кризис.

Джен Тенней, наоборот, не пользуется особыми симпатиями американцев. Он слишком интеллигентен — не только в сущности, но и в приемах своей борьбы. Для него матч бокса, это — разрешение особой логической задачи. Для него

каждый раунд бокса — не проявление кипучего темперамента, как для Демпси, а разрешение особых тактических за-

Демпси.

дач, отстаивание нового стратегического стиля в спорте бокса.

В 1926 году Демпси, пред-

ставитель непосредственной стихийной силы, должен был уступить логической стратегии Тенней. После матча с Демпси 23 сентября 1926 года Тенней больше ни с кем не состязался.

Матч 1927 года снова окончился победой Тенней. Если бы Демпси одержал победу над ним, это был бы первый случай, когда чемпион мира, утративший пальму первенства, восстановил бы свое положение.

Американские газеты рассказывают множество легенд о необычайном матче в Чикаго. Вот одна из них, если не самая неправдоподобная, то во всяком случае самая современная. Сотни тысяч людей следили за ходом матча, раунд за раундом, по своим радиоприемникам. Волнение достигало таких размеров, что пять человек погибли, вероятно, от разрыва сердца у своих аппаратов в тот момент, когда Тенней получил временное поражение на седьмом раунде.

Положительно, жизнь становится с каждым днем все опаснее. Смерть от волны эфира — вещь до сих пор небывавшая даже в «сенсационной» Америке.

ШРАМ НА ЩЕКЕ НЕ ЗАЖИЛ!

От варшавского корреспондента „Огонька“.

Рана, нанесенная белоэмигрантом Трайковичем тов. Шлессеру, зажила. Остался шрам на щеке.

Пока заживалась рана, улаживался конфликт, возникший в связи с убийством в варшавском полпредстве. Обе стороны — полпредство СССР и польское министерство иностранных дел — проявили в этом

М. В. Захарченко-Шульц, участница белой организации, готовящей взрыв общежития ОГПУ в Москве. Убита во время облавы, при попытке перейти нашу западную границу.

деле максимум доброй воли. Инцидент накануне полного исчерпания. Без шрама, однако, и тут не обойдется.

Таким образом, по воле кучки разложившихся безответственных беглых монархистов, крепко обосновавшихся в Вильне, польско-советские отношения переживали в течение трех недель лихорадку.

Когда будет этому положен конец?

Когда русские монархисты будут высланы за границы Польши?

Кто в Польше решает вопросы польско-советской политики: польский министр Залеский, или царский есаул в Вильне Яковлев?

Сперва был Коверда. Судебные власти из кожи лезли вон, чтобы доказать, что преступление Коверды было индивидуальным актом. Вслед за ним появился другой „индивидуалист“ — Трайкович. Кто следующий? Кто из польских политиков может дать решительные и искренние заверения, что Трайкович — последний герой, вышедший из виленского монархического гнезда.

Зачем обманывать себя и других?

Пока виленское монархическое гнездо не разорено до тла, пока русские монархисты чувствуют себя в Польше, как дома, под покровительственным крылышком польских властей, пока яковлевская „Новая Россия“, выходящая в Вильне, продолжает легально призывать к террору и убийствам, а выходящая в Варшаве „За Свободу“ — петь дифирамбы убийцам, — каждый

день может принести новые неожиданности.

Игра становится слишком опасной. Не знаем, отдадут ли себе польские авторитетные круги отчет в том, скольким контрразведкам одновременно способен при своей баснословной любви к отечеству служить беглый русский монархист. Польша знает, как иногда трудно наладить и прибрать к рукам собственную охранку. Что уж тут говорить о чужих! Кто может предугадать заранее, какая из многочисленных контрразведок зажме в руке очередного наемного убийцы бельгийский браунинг или финский нож?

С каких пор русские монархисты, царские полковники, есаулы и пристава стали столь дороги польскому сердцу, что так трудно с ними расстаться?

Если это не так, если польское правительство столь же заинтересовано, как и наше, в том, чтобы предотвратить всякие неожиданности, оно по собственному почину укажет русским монархистам со всей присущей полякам элегантностью и вежливостью дверь.

И когда они уйдут, по ним (русским монархистам) ни одна народная (польская) слеза...

О. Мечиславский.

Рана на щеке т. Шлессера, нанесенная белоэмигрантом Трайковичем.

не прольется (русским монархистам) ни одна народная (польская) слеза...

БАТЬКО БАЛАХОВИЧ В ШТАТСКОМ

В числе героев недавнего кровавого прошлого батько Булак-Балахович занимает не последнее место. „Белорусский“ генерал, бандит, погромщик, он стал впоследствии военным союзником польской демократической республики — в ее борьбе с первым пролетарским государством. Рука об руку с военным командованием польской регулярной армии Булак-Балахович во главе своей банды отчаянных головорезов защищал „бастионы западно-европейской цивилизации“ на восточных рубежах, громя, грабя и насилуя попутно на собственный риск и страх население еврейских местечек западной Белоруссии. В истории еврейских погромов последнего времени Булак-Балахович занимает одно из самых внушительных мест.

Война окончилась. Прервалась также пьяная и кровавая эпопея Булак-Балаховича. Генерал перешел на штатское положение. Армию свою Булак перевел на „трудовой фронт“, просто продал ее английскому консорциуму, эксплуатирующему купленную у польского правительства Беловежскую пуцу. Условия труда и взаимоотношения между английской фирмой и чинами прежней балаховской армии не поддаются описанию. Даже в польских условиях это сплошная экзотика. Армия очутилась в отношении своих новых английских хозяев на положении дешево закупленной партии бледнолицых негров. Зато Булаку перепали кой-какие крохи с сытого стола английских концессионеров.

Так познакомился бравый генерал с лесным делом. Переодевшись в штатское, Булак-Балахович занялся торговлей лесом и лошадьми, ожидая в будущем „настоящего дела“. Генерал в штатском круто изменил также свое отношение к евреям:

ряд известных еврейских торговцев на окраинах и в Варшаве являются ближайшими компаньонами бывшего погромщика.

В последнее время Булак-Балахович окончательно поселился в Варшаве. Устроил шикарную квартиру и зажил барином на

Булак-Балахович. Последний портрет.

широкую ногу. Булак-Балахович за ненадобностью окончательно забыл о своем белорусском происхождении, и главная забота его теперь — проникновение в польские аристократические круги Варшавы. Дела батько Булака идут не так плохо. По его собственным словам, польское правительство выдало ему еще недавно сто тысяч поль-

ских злот за услуги, оказанные им Польше во время советско-польской войны. Однако всех доходов генерала, плывущих из различного рода источников, не хватает для утоления баснословных аппетитов генерала, неминуемо разбухших во время разгрома десятков еврейских местечек. Но генерал предприимчив. Недавно генерал Булак был взят с полициным во время каких-то махинаций с фальшивыми чеками, которыми генерал расплачивался в ресторанах и магазинах. Эпизод этого последнего подвига разыгрывается в конторе варшавского прокурора, но дело, вероятно, будет затушено. Пилсудчики считают, что бравый генерал может еще пригодиться в будущем. Он рассматривается в качестве одного из польских козырей в будущей советско-польской схватке. Поэтому с батькой Балаховичем еще считаются. Недавно орган пилсудчиков „Глос Правды“ поместил с полной готовностью большое стихотворение самого Булак-Балаховича, в котором автор в довольно скверной стихотворной форме отвечает своим недоброжелателям, набивая при этом свою цену в качестве „цепной собаки“ Польши.

Среди этой сутолоки ежедневной серой штатской жизни как не взгрустнуть бывшему батько? В эти минуты его можно встретить в дипломатическом квартале, в алее Уяздовской, где батько разгуливает, щеголяя полной генеральской формой своей армии при всех орденах. На виду у всего дипломатического корпуса разгуливает бравый генерал, белорусский батько, еврейский погромщик, „поэт“, распространяющий фальшивые чеки, „цепная собака“ Польши, один из символов отношений двух стран, имеющих общую границу на протяжении свыше тысячи километров! О. М.

СЕМЕН ПРОСКАКОВ

Глава из поэмы Н. Асеева.

Шел Проскаков
мимо займок,
гнусь бросалась
в глаза ему...
гнусь лесная
да мошкара,
вместо хлеба—
еловая кора.
Ноги нагие
разбиты в кость;
всюду враги,
напрямик и вкось.
По всей,
по Сибири,
вблизи и далеко—
порки,
пожары
и паника.
Слева—Семенов,
справа—Калмыков,
Сзади
и спереди—
Анненков.
Черные гусары,
синие уланы,
желтые лампасы
уссурийские—
в криках
да свистах,
да в шашек пылании
всюду мелькают
и рыскают.
А в тайге
заедены гнусом
молодые головы
гнуты.
— Эй, Семен,
бросай,
перестань-ко,
выходи
из дебри
с повинной;
вон они —
огни полустанка,
теплые хлева
да овины.
— Нет, не брошу,
не перестану.—
— Не скули,
шахтерское сердце.
Оползни
кругом, полустанок,
погляди
на то офицерство.—
Тихь —

темна,
бурелом не треснет,
ляг и слушай,
дух захолонув,
разговор,
бормотню
и песни
из открытых
окон салонов.
— ...Здоровье его величества
обожаемого монарха!
— ...Какое угодно количество.
...Любая марка!
— Тихе, поручик!
Не вскидывать ручек!
Это вам
не российский простор!
Без интеллигентских
штучек;
если пьяны —
лезьте под стол!
— ...под Тюменью
было именье
в семнадцать тысяч душ...
— ...Тух! тух! тух!
Чего расклеились,
чего раскисли,
ждете,
чтоб мамка соску дала?
Выбросить к чорту
кислые мысли!
— ...Я ммучительный талант!
— Стойте, хорунжий!
В вопросах чести...
— Снимаю дамбля!
— В банке двести...
— Пьем за здравие
адмирала!
...марала!
Тихе, оратель.
Вы—овечка!
Где вам
большевиков свергать?!
Вы —
ни господа богу свечка
и ни дьяволу
кочерга.
— ...Предлагаю:
в банке сорок!
— Ваня, уйдем.
Начинается ссора.
...Сла-а-а-вен
выпивкой
и пляской
Чудный полк

ингерманландский.
— В ночь,
когда стали
все кошки серы,
В дикую ночь
над несчастной страной
вы записались,—
я знаю,—
в эсеры,
вы к офицерству
стали спиной!
Но,
большевизию
быстро покинув,
Пальцы от злости
грязя,
вновь повернули
гибкую спину
к вашим
виновным друзьям!
Что ж?
Вас опять
потянуло к онуче?
Тьму
пожаром усадьб
просветлять?..
Только
здесь
вам не место канючить,
демократическая тля!
— Это—оскорбленье,
за это ответишь!—
...Румяной зарею
покрылся восток...
— Полно,
все условно на свете!
— В банке
четыре тысячи сто.
— Впрочем,
если вам нужен воздух,
выйдем,
поговорим
при звездах!
И если то, что на вас,—
мундир,
можно прибавить
несколько дыр!
— Отползай, Проскаков,
отползай:
выстрел —
пламенем тебе в глаза,
на тебя,
приникшего к траве—
валится убитый
человек.

Снова тихь,
и в салон-вагонах —
снова крики,
песни и гонор.
— ...Вот последняя
сводка реляций:
двое непримиримых врагов—
хорунжий с поручиком—
вышли стреляться:
один—наповал
на двадцать шагов.
— ...Это уж хуже.
— ...Вот он—хорунжий!
— Что случилось?
— Идите сюда!
— Все в порядке,
прошу, господа:
ставлю
дюжину свежих бутылок,
адыутантские шпоры —
слишком звенят:
красный шпион
застрелен в затылок,
так как шел
впереди меня!—
Отползай, Проскаков,
отползай,
зыбкий сумрак
от рассвета сер,
не успел подсумка
отвязать
стреляный
в затылок офицер.
Хороши для
раненой ноги
мягкого опойка
сапоги,
хорошо,
свернувшись,
тихо лечь,
на плечи
напаялив
плотный френч.
Лес,
гори
разливами зари,
не до дремы тут,
не до снанья:
сухари в подсумке,
сухари
и горячий
смоляной
коньяк.

Ник. Асеев.

ЗАПИСКИ СЕМЕНА ПРОСКАКОВА

Записки партизана Семёна Проскакова—подлинный документ, разысканный мной в архиве Истпрофа ЦК Союза горнорабочих, — документ, характерный непосредственной силой своих литературных средств. Стоит вспомнить стилистические особенности письма И. Бабеля, чтобы понять, что является их прообразом. Лично мне записки Проскакова послужили толчком для поэмы „Семен Проскаков“, в задачи которой входило сохранение того подлинного лирического нафоса, который выделяет эти записки из многочисленных мемуаров и воспоминаний времен гражданской войны. Сохраняем в неприкосновенности все особенности его своеобразного языка.

1917 года, при свержении Николая Романова, я, Проскаков, Семен Ильич, работал на Ленинском руднике, а всего я проработал 17 лет по разным рудникам Сибири. И вот 1917 г. я вступил в добровольную Красную гвардию, в партию большевиков, и тут же эта партия повела борьбу против эсеров, против учредилки, и наши Советы начали работать, вести в полном смысле и организовывать партию большевиков и повели борьбу с эсерами и с другими партиями, и тут же организовали профсоюз, который тоже боролся с другими партиями за советскую власть, а когда организовали Красную гвардию, то она работала под руками Советов и выполняла все распоряжения Советов. Но нашей Красной гвардии, — говорили, — во время семеновщины не пришлось быть против Се-

менова, а потому что здесь у нас было организовано мало Красной гвардии, и

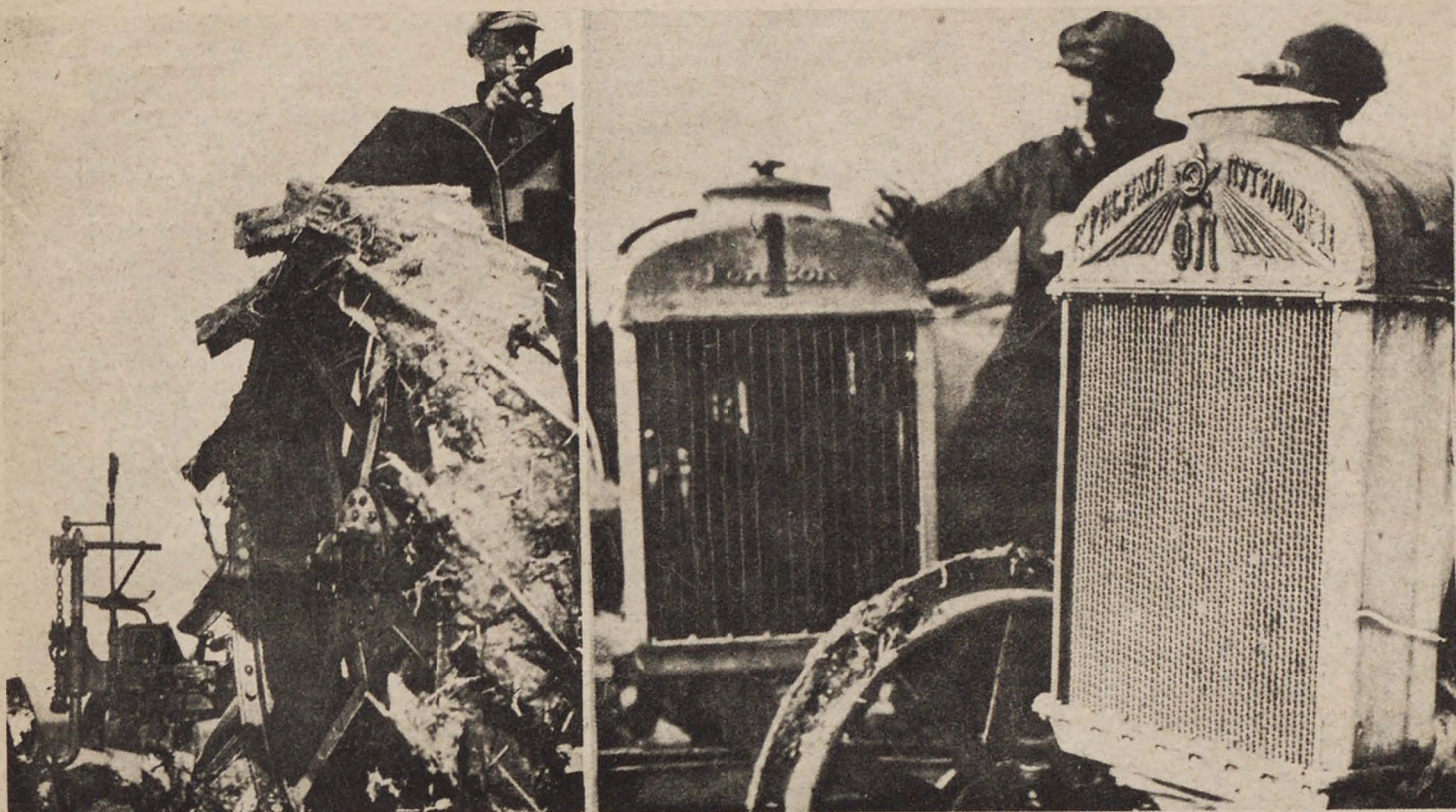
разбиться на два фронта: частью поехали на станцию А. Китайской ж. д. и часть была в селе Красном, где был арестован весь Совет крестьянских депутатов и приговорены были местными белогвардейцами к вепелице, но тут уже наш отряд по счастью успел захватить их товарищей, и мы в числе 60 человек нашего отряда повели упорный бой, и через 20 минут выбили белогвардейцев и выпустили Советов, опять снова восстановили, а сами поехали в гарнизон Ленинск. Приезжая в Кольчугино, нас встречают наши товарищи, вернувшиеся с фронта А., и нам сообщили, что они держатся не в силе против Колчака; и там же убит командир во время боя — товарищ Шильников, несмотря на то, что он имел чин капитана, он честно сложил голову за рабочее дело; а на утро

Атаман Семенов и его „славные“ сподвижники—японские офицеры.
„Архив Огонька“.

вдруг видно, как начали наступать чехословаки на Кольчугино, то нам пришлось

СОСТЯЗАНИЕ ТРАКТОРОВ

Весомые тракторные состязания, проводившиеся под Ростовом н/Д, начиная с августа до конца года, разделены на два ряда испытаний. Первый ряд испытаний имел целью дать наиболее точную научную характеристику каждого трактора путем лабораторно-научных исследований. Во втором ряде испытаний—трактора выводятся в поле для изучения их всесторонней пригодности на обычной, рядовой работе. Кроме 70 специалистов, в контроле испытаний принимают участие около сорока крестьян—делегатов тракторных коллективов. На с и м к а х: слева—трактор на рядовой работе; справа—„родственники“—американский трактор „Фордзон“ и советский трактор „Красный Путиловец“ перед испытаниями.

Фот. Б. Игнатовича.

нам пришлось отступать от Кольчугино на Барнаул. При отступлении мы видим, что недостает начальника нашего отряда Ивана Матузова, который руководил нашим штабом Красной гвардии; он постарался удрать для спасения своей шкуры, а отряд в 250 человек на произвол судьбы вовсе остались, как дети без матери, но благодаря дорогого товарища Сухова, он бросил, как и мы, жену и детей, и вступил в ряды командира нашего отряда и начали отступать на город Барнаул. Но как мы прибыли в Барнаул и там стояла белая сволочь, опять повели ожесточенный бой, и мы тут бились трое суток и в последнее время не выдержали и сдали город. Захватив эшелон, мы отправились на Семипалатинск, и тут нам встреча белых на пути, и так мы уже оказались в кольце, в котором мы ходили целое лето, а наш отряд был только из 750 человек и он лето держался и бился с 10.000 человек колчаковских войск. И в одно время этого трусливого кольца мы встретили окопавшихся колчаковских войск и попал под 4 пулемета, огонь винтовок и нам пришлось с ними биться полсуток, а в последнее время и мы начали наступать и отбили у них 4 пулемета и все остальные их винтовки и тысяч десять патронов и дали им знать, как воевать с красными дальше. Захватив после боя Вознесенскую волость, мы хотели отдохнуть, и видим—наступают белки видимо-невидимо войск и в три цепи повзводно. Красные партизаны из сердца не терпят, двинулись навстречу. Пройдя село и повели ожесточенный бой, и, во время боя пройдя деревню Н., начали крыть во весь ход. Но, несмотря на то, что мы отступили в близлежащее село, и под командой дорогого тов. Сухова мы двинулись и из этой сволочи сделали прах, поскакали дальше по направлению в Монголию. Приехав в деревню Тележину, там уже нас встречали неприятельской пулей и их орудий. Тут нам пришлось задержаться трое суток, и у нас вышли патроны

и нам стало воевать нечем. Тут издали приказ наш командир, чтобы кто как мог так и спасался от белой сволочи. Здесь мое первое страдание. При отступлении нас искали везде и всюду, и я попал в заимку Елиновку, влез на высокую гору и там спасался пятеро суток, а хлеба ни крошки нет. В пятые сутки я встретился с одним мадяром отряда нашего, и мы решили пойти скитаться вместе по незнакомой глубокой тайге, а впоследствии решили пробраться в Кузнецкий уезд и отправились по долинам гор, днем лежим—запрячемся, а ночью идем. И до чего же дошло это страдание, что у нас с почв наших ног были раны до костей. Ведь подумаешь это страдание, и встретивши его, то все-таки становится тебе жутко. Пробившись в Кузнецкий уезд, и тут со знакомыми крестьянами начали подпольную работу, и тут опять работать было рискованно, несмотря на карательные отряды, а работа продолжалась против Колчака,—но и слышав про действие карательных, как они расправлялись с товарищами, а также с семьями партизан, например, каратели издевались над моей семьей, а именно—над моей женой Татьяной Ефимовной Проскаковой,—испорили ее в лоскутья и выстегнув ей глаза, которая в последнее время осталась с половиной света, а также перецугали детей малых,—это действие карательных отрядов, и мне. Проскакову, пришлось быть в партизанах и работать в подполье. Связь с партизанами непрерывная и после этой подпольной... 1919 года уже работа и движение партизан было надежное, потому что все крестьяне были настроены против Колчака, и тут уже пошли такие дела, что начиная переносить порки и разные наказания, то те люди, уже бросая все и организуясь, шли в отряд партизан. И вот эта-то основная причина партизан, как уже выше указано, а в отрядах партизан при себе штабов не имелось, а хотя они были штабы, то при нелегальных подпольных комитетах, где

издавались команды, и вот лозунг был лично мой, как я, Проскаков, пошел в отряд партизан и в рабочую партию большевиков и за власть Советов политическое сознание заставило меня выступить против всех партий. Вот я, Проскаков, Семен Ильич, и должен был описать как пережитое при Колчаке в 1919 году, дня 7 марта, за мартовское восстание мне пришлось бежать, я скрывался и в одно время я был предан двумя в дер. Моховой—сельским секретарем и старостой, которые получили за свое предательство белым меня, то я сидел 6 недель 4 дня в колчаковской милиции и меня порол в 4 шомпола и в 4 нагайки каждый день 4—5 раз, и шкура моя была слущена вся и после 6 недель и 4 дней под предлогом отправки меня в Томск меня хотели расстрелять, а вечером 1919 года 17 июля старого стиля меня гады били камеронной трубой, и поломав мне кости и повезли расстреливать, ехав по станционной дороге везде меня... колчаковским семьям дал мне приказ слезть сначала и, сказав мне, что я тебя стану расстреливать, я, несмотря на свое бессилие, взяв в свои изломанные руки кайлу, и ударил гада кайлой, которого вышибло из памяти, и он забыл, что у него наган в руках, отскочив от меня и он начал в меня стрелять, стрелив в меня семь раз, не попал, я избит был унес половина смерти... упавшего два раза в правое плечо, я почувствовал, что он гад меня легко ранил, я притаился, он, гад, пошел, бросив меня, понаблюдав опять, и идет ко мне наган в голову и дал 3 обесечи, в 4-й раз выстрелил наган в мою голову—не попал, а мою голову заменила сырая земля и приняла кровожадную пулю в себя и спасла меня. После отъезда гада я убежал, и почему? Потому что был легко ранен, и после расстрела я попал в отряд тов. Роликова и действовал со своими ранами в отряде и после чего изгнали чехов, я прибыл в Кольчугино.

Проблема смерти

5 сентября.

Сегодня ворвался ко мне Алешка Чикин, очень радостный и возбужденный. Оказывается, его приняли-таки на медфак, и он теперь будет доктором — конечно, когда кончит.

Я с июля-месяца ничего не делал, потому что знал уже тогда, что принят на ЛИТ. На ЛИТ я пошел по совету Н. П. Ожигова, который меня и подготавливал в ударном порядке. Так что я даже через группу перескочил. Это, конечно, не беда: мне ведь скоро восемнадцать лет.

Только вот что меня смущает: кем я буду по окончании ЛИТ'а? Н. П. О. говорит, что горизонт широкий... Уже не говоря об учительстве, можно всегда заработать литературой, потом избрать специальность, например, по каким-нибудь древним языкам...

Шкрабом я, конечно, не буду; а остальное очень туманно. Шкрабом я не буду потому, что видел, как во второй ступени (да и в первой) шкрабам невольно приходится мучить ребят, и еще, кроме того, самим мучиться. Н. П. О. говорит, что и в его время выбор факультета представлял из себя вещь затруднительную. Самое главное — отыскать в себе такую струнку, которая являлась бы наиболее звучащей, найти себя. Может, например, во мне сидит художник, а я случайно попал в инженеры. Или, будучи по натуре строителем, я попал в акушеры. Таких вещей в социалистическом обществе, и даже в строительстве не должно быть.

Поэтому, по словам Никпетожа, да и по моему мнению, на всех нас, кончивших вторую ступень, лежит колоссальная ответственность при выборе факультета. А между тем, вчера в коридоре вуза разговорился с одним парнем и спрашиваю его: почему он попал на ЛИТ. А он отвечает:

— Да потому, что на другие факультеты вакансий не было.

— А, по-настоящему, кем хотел бы быть?

— Летчиком.

— Как же ты теперь думаешь справиться?

— А очень просто: пробуду на ЛИТ'е, пока будет вакансия в Воздухфлоте, и тогда туда дерну.

— А до тех пор?

— А до тех пор буду учиться литературе — это не мешает. А, кстати, в свободное время буду подготавливаться по летному делу.

7 сентября.

У меня сильно заболел отец. Доктор сказал, что у него миокардит, но что в виду того, что у отца еще и старческий склероз, — можно ожидать всего. Я теперь больше бываю дома, чем на ЛИТ'е. И тут явился у меня неожиданный помощник. Он приходит и сидит с отцом. Это — Алешка Чикин. Они между собой довольно-таки часто ругаются. Особенно Алешка не выносит, когда отец начинает называть Зин-Палну — „Зиночкой“.

9 сентября.

Вчера ко мне в коридоре подходит какаля-то девчина и спрашивает:

— Что, тебе не Рябцев фамилия?

— Рябцев.

— Я одну твою знакомую знаю.

— Какую такую знакомую?

— А вот угадай. Она тебе поклон передала.

— Ну, а сама-то ты — кто?

— Я с тобой вместе на младшем курсе, а зовут меня Вера.

Тут раскрылись двери аудитории, хлынули ребята, меня кто-то позвал, и эта девчина исчезла. Я заинтересовался, потому что потерял из виду Сильву Дубинину, и подумал, что это про нее.

Вообще, у нас трудно сосредоточиться. Самые интересные лекции еще можно успевать понимать и записывать, особенно профессора Ижболдина, а то все обрывками идет.

Отцу сегодня хуже. Доктор велел давать только молоко.

10 сентября.

Алешка Чикин меня таинственно спрашивает:

— А ты не знаешь, Рябчик, чем вывести вот эти штуки? Я их пробовал давить, потом над паром держал, по совету Зин-Палны, а они все не сходят.

А это у него такие прыщи на лице, угри, так что даже в некоторых местах сливаются в сплошную красноту. А я уже привык еще во второй ступени всякие ранки выводить иодом. Это Сережка Блинов научил: он даже самую маленькую царапину сейчас же мазал иодом и называл это „принять превентивные меры“. Ну, я Алешке и посоветовал, хотя и удивился, чего это он стал ни с того, ни с сего заботиться о своей наружности. Алешка тогда взял и смазал все прыщи иодом. Посмотрим, что из этого выйдет. Есть еще такое зеленое мыло, тогда можно попробовать. Но в общем и целом я считаю, что это даже и неважно.

11 сентября.

Отец — при смерти, и доктор говорит, что жизни ему осталось от силы неделю. Алешка Чикин теперь от нас совсем не уходит, и поцует у нас. Кстати, у него кожа с лица совсем слезла, но он радуется и говорит, что больше не будет угрей.

Хотя отец и очень болен, но довольно бодрый и разговаривает. Они говорят больше насчет бога. Я сейчас пишу, а они с Алешкой как раз спорят.

— Я вот дожид до шестидесяти лет, — тихо говорит отец, — и у меня была вера в роде фундамента: и на земле стоишь крепко, и если сомнение какое, то есть куда обратиться. А у вас что?

— У нас — коллектив, — отвечает Алешка. — Товарищи. Полная опора.

— Ну... товарищи! Это — ненадежный народ. Были и у меня в молодости товарищи... и по бутылочке... и так. А где они сейчас? Всех по дороге растерял. Одна была у меня верный товарищ — Костькина мать. А остальные... это пока у тебя деньги есть... А как денег у тебя нет, так ищи их, свищи. Нет, это верткое дело — товарищи. Вот бог — так так. Вот и сейчас. Я помирать собрался... так знаю, куда иду.

— Тебе, папанька, рано помирать, — кричу я. — Мы еще с тобой делов надеваем!

— Нет уж... придется тебе одному дела ворочать! И уж как я бога благодарю, что дозволил он мне тебя возрастить... теперь не пропадешь, Костя...

— Да что ты, право, папанька? Ведь это обидно даже, — про смерть завел... перестань!

— Ты вот что, Костя. Как я помру... так ты того... к тетке в Воскресенск адресуйся. Она хоть мало — да поможет... на первых порах...

Мне очень трудно написать, что я сейчас чувствую. Я плакать не умею.

Потом мы с Алешкой вышли во двор, и я ему сказал, что мне очень тяжело. Тогда Алешка говорит:

— А хочешь, я его разубежду насчет бога?

— Как же ты его разубедишь?

— А очень просто. Нужно только доказать, что во всем — воля человека. Вот, например, приду сейчас в комнату, возьму ножик и скажу: „Хочу себя пырнуть ножом в руку, и бог мне не помешает. И пырну. Ведь, если бы бог был, он вмешался бы?“

— Нет, слушай, Алешка, разубеждать моего папаньку сейчас уже поздно, да и не к чему его расстраивать. Скажи лучше, что ты думаешь насчет смерти?

— Да что насчет смерти? Я об ней никогда и не думал. Придется умирать — так умру. Хочется только, чтобы с оружием в руках на поле битвы. И чтобы музыка.

— Да нет, не это. Я вот думаю, что смерть есть явление биологическое, такое же, как жизнь. И если человек умирает, он распадается на атомы и мельчайшие электроны и рассеивается по всей земле, и эти электроны собираются снова, из них выходит материя, а из материи рождается все живущее. Помнишь, все это нам Алмак-фин объяснял.

— Ну, помню.

— Так вот меня интересует: может ли быть такой случай, когда при соединении этих электронов и атомов опять соберутся те же самые электроны и атомы, которые когда-то раньше составляли целое? Например, человеческое тело? Например, меня? Или такого случая ни под каким видом не может быть?

— Шут его знает, — отвечает Алешка, а сам трет себе лицо: у него все время кусочки кожи лезут. — По-моему, что с во-зу упало, то пропало. Ты напрасно обо всем этом думаешь. Ведь сам сказал: биологический процесс, — так чего же рассуждать еще?

Я тут очень пожалел, что нету Сильвы. С ней было бы легче об этом разговаривать. А Алешка, кажется, меня и не понял, как следует.

Смерти бояться, конечно, нечего. Но совсем другое дело, когда умирает кто-нибудь близкий, как вот, например, у меня отец. Ведь не будешь стоять у его кровати и рассуждать, что вот, мол, это материя, которая должна распасться, потому что есть такой-то и такой-то процесс.

Кроме того, тут есть еще разные привходящие причины. Например, пока отец был здоров, я его не замечал как-то. То есть, очень даже замечал, и даже, можно сказать, любил его, но гораздо больше жил своей жизнью и не делился ничем с отцом. Вот это-то и обидно. Отец хоть и других убеждений, и у него совершенно чуждая идеология, но, все-таки, во многом можно было бы с ним если не посоветоваться, то просто поделиться.

Как бы то ни было, жалко мне своего батки, и совершенно невозможно поверить, что его больше не будет.

17 сентября.

Вместо записи, поставлены два косых креста.

XX

25 сентября.

Я ездил в Воскресенск к тетке, и она дала мне три червонца. Надо записывать каждый расход, потому что больше получить неоткуда.

Проблема жизни.

1 октября.

Объявление в газете — „Иму уроков“	1 р. 50 к.
Поденщина в расчет	2 „ 50 „
В столовку за две недели вперед	4 „ 20 „
Починка сапог (подметки)	3 „ — „
Задаток заказа (пришлось вернуть)	10 „ — „
Обратная дорога из Воскр.	1 „ — „
Чай, сахар	58 „ — „

ИТОГО... 22 р. 78 к.

Осталось 7 руб. 22 коп. А надо ведь еще дрова покупать, в домоуправление за комнату платить, да и есть что-нибудь надо, потому что одного обеда мало. Нужно во что бы то ни стало найти работу.

5 октября.

Работы нет. По объявлению никто ничего не прислал.

7 октября.

Когда я ехал из Воскресенска от тетки, то в вагон вошел мальчишка, сейчас же начал петь. Пел он вот что, я тогда же записал в свою книжку:

Посмотрите, братишки:
Разве я человек?
Помогите, братишки,
Накопить на ночлег.

Как случился тот случай,
Всполошилось село...
Пронесли мимо тучи,
А дождя не было...

Вижу плачут сестренки,
Стала мать слезы лить:
Нехватило водички,
Чтобы рожь напоить...

Ох, сынок мой, Ванюша,
Ты прости свою мать:
Дома нечего кушать,
Нам пора умирать.

И пошелся я в город,
Поклонившись отцу...
Слезы льются за ворот
И бегут по лицу...

Ночью в карты играю,
Днем хожу на трамвай,—
И пою—вспоминаю
Про плохой урожай.

Посмотрите, братишки:
Разве я человек?
Помогите, братишки,
Накопить на ночлег...

Теперь мне часто вспоминается эта песня. Я думаю, тем легче живется, кто уже с раннего детства привык жить самостоятельно, как Ванька Петухов. А мне очень тяжело. А, главное, стыдно, и зло берет идти и рассказывать кому-нибудь о своем положении. Алешка у меня бывает и все спрашивает, почему я такой угрюмый. А я даже ему не могу и не хочу говорить. Сегодня он мне, между прочим, сказал, что Зин-Пална просила зайти к ней. А я не пойду. Достану работу—тогда пойду.

На ЛИТ я, конечно, хожу, только ни с кем там не разговариваю.

10 октября.

Эта девчина, Вера, меня, наконец, поймала и сказала, что поклон—от Лины Г. Они, оказывается, где-то вместе учились на юге. А теперь эта Вера приехала, а Лина осталась там, потому что еще не кончила вторую ступень.

Мне это все равно. Еще если бы Сильва как-нибудь обнаружила... Я ее адреса нового не знаю. Она, как будто, попала в этот же самый вуз, куда и я, только я ее ни разу не видел.

Вера на всякий случай записала мой адрес.

13 октября.

Сегодня приходит ко мне эта самая Вера и говорит:

— Пойдем!

— Куда?

— Там увидишь. На заработки.

А у меня в желудке кипка кишке кукиш кажет.

Вот пошли мы с ней, приходим в кино. Так, паршивенький киношка, а народу много. Идет картина „Аэлита“.

— Я не пойду,—говорю я.—Во-первых, я уже видел, а, во-вторых, на голодный желудок—не до картин.

Теперь я думаю, что никому другому не сказал бы этих слов. А Вера такая простая, что слова сами сказались. И она ничуть не удивилась, словно раньше все знала. И говорит:

— Молчи, ты ничего не понимаешь.

Вытащила из кармана две контрамарки—в вузе, наверное, получила—и стоит. Вот идет какой-то гражданин с дамой под руку. Она—к ним.

— Граждане, вы за какую цену хотите покупать билеты?

Этот самый тип замялся, смотрит на свою даму:

— Н-н-е знаю,—говорит.—По рублю... или дороже?

А дама:

— Чего там дороже, деньги разбрасывать... По рублю.

Тут гражданин спохватился:

— А вам какое, собственно, дело до

этого?—И строго на Веру смотрит. А Вера дергает меня за рукав и говорит:

— Да вот мы с товарищем не пойдем, а у нас есть места. Одним словом, давайте деньги, и у вас сейчас будут билеты.

Тут дама посмотрела на Веру сверху вниз и говорит:

— В отделение их надо отправить.

Вера на нее, как накинется:

— Это за что же в отделение? Вы не имеете никакого права так говорить, гражданка! Это даже возмутительное безобразие! Я вам предлагаю без всякой очереди достать билеты, а вы нас за жуликов принимаете? На каком основании?

Гражданин говорит даме:

— Что ты в самом деле... Еще никаких оснований нету...

И полез было в карман за деньгами. А дама уже во весь голос:

— Нет, это не первый случай, мне Марья Давыдовна рассказывала и говорила, что таких нужно сейчас же отправлять в милицию.

Вера тут на нее—руки в карманы пальто засунула:

— Ну, идите в милицию! Что же вы не идете в милицию? Идите сейчас же в милицию. Ага, испугались! Чего же вы тогда грозите милицией? Моментально идите в милицию!

А сама вся дрожит. А я даже не знаю, что мне делать: в землю провалиться, что ли?

Эта дама повертелась во все стороны, видит—делать нечего, дернула гражданина за рукав, и они оба ушли.

— Ну, и катитесь колбаской до самой кавказской,—говорит им вдруг Вера, а сама нервно смеется.—Видишь, драпанули... Это, если сдрейфить, так и вправду засыплешься. Но только идем отсюда, на нас все смотрят.

Мы с ней ушли, я по дороге и говорю:

— Ведь это выходит какое-то жульничество... обман? Похоже, мы с тобой в чужие карманы залезаем?

— Никакого тут обмана нету,—отвечает Вера.—Они деньги платят, киношка контрамарки получает, а ты — дурак. И молчи.

(Окончание следует).

В. В. ВЕРЕСАЕВ
ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ
ПУШКИНА

№ 241

ностью (превосходные
(„На Лит. Посту“).

О БИБЛИОТЕКЕ «ОГОНЕК»

ИЗ ОТЗЫВОВ ПЕЧАТИ:

Небольшие, прекрасно изданные и доступные по цене широким кругам читателей, книжки Библиотеки „ОГОНЕК“ имеют своей основной целью ознакомление этих широких кругов с текущей художественной литературой. В числе выпущенных ею произведений имеется ряд хороших, ценных вещей. („Правда“).

На ряду со многими другими достоинствами, библиотечка отличается дешевизной, приятной внеш. переводы).

Надо отдать „ОГОНЬКУ“ справедливость: он выпустил, действительно, немало интересного. Книжки „ОГОНЬКА“ изданы хорошо, они дешевы, доступны, они дают в общем неплохой материал для чтения.

(„Правда“).

10 - Л Е Ш И Ю О К Т Я Б Р Я

Вышли, готовятся и предполагаются к печати следующие книжки:
Ефим Зовуля—Статьи (с предисловием А. Луначарского); М. Беккер—Пролетарская литература; Антология—Поэзия войны и революции на Западе: Ив. Свиридов—Из полевой книжки; Литература Казахстана; М.х. Кошаров—Звездососны; Н. Лещинский—В пути; А. Аросов—Варабашки Рыжий; В. А. Шенцов—Октябрь—Ленин и др. (полный список будет опубликован).

Некоторые произведения Библиотеки „ОГОНЕК“ разбрасываются в школах 2-й ступени, как пособие для тематических сочинений. („Рабочий Пазарь“ Рыбинск).

Включение издательством „ОГОНЕК“ в свою общедоступную Библиотеку книжек историко-литературного характера в сопровождении надлежащего комментария и вступительных статей нужно, конечно, весьма одобрить. Очень небесполезные специалистам-литературоведам, они будут с интересом и пользой прочтены и широкой читательской массой.

ВОЛЬТЕР
КАНДИД

№ 242

Вышел из печати и рассылается сборник „10 ЛЕТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА“

Сборник подводит итоги достижений во всех отраслях народного хозяйства и является ценным руководством для изучения советской страны.

Les Grands-Croix, Commandeurs et Chevaliers du sérénissime ordre des Cocus, réunis en grand chapitre sous la présidence du vénérable grand maître de l'Ordre, S. E. D. T. Narychkine, ont nommé à l'unanimité Mr Alexandre Pouchkine coadjuteur du grand-Maitre de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre!

Le secrétaire perpétuel Cte J. Borch

Пасквиль, полученный Пушкиным. Написан кн. Долгоруковым измененным почерком. Пунктирными линиями обозначены различные наклонные, тождественные во всех почерках Долгорукова.

I.

В начале ноября 1836 года по только что введенной городской почте были разосланы Пушкину и некоторым его друзьям анонимные пасквили — содержания, обидного для его чести и для чести его жены, Натальи Николаевны. Анонимные пасквилянты смастерили следующий диплом: „Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена роноосцев, собравшись в Великом Капитуле, под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором великого магистра ордена роноосцев и историографом ордена. Непременный секретарь И. Борх“. Диплом делал Пушкина по роноосной части заместителем (коадьютором), помощником престарелого обер-егер-

Барон Луи де Геккерен.

мейстера Д. Л. Нарышкина. С его женой, обольстительной красавицей Марьей Антоновой, жил в течение десятка с лишним лет

император Александр Первый. Пасквилянт послал Пушкину острый и злобный намек на то, что он мог бы быть достойным заместителем Нарышкина, раз Наталья Николаевна пошла бы по той же царственной линии, как и Марья Антоновна: там Александр, а здесь августейший брат — император Николай. А ухаживания самодержца за женой Пушкина на маленьких балах в Аничковом дворце уже становились предметом злорадной клеветы придворных, правда, распространяемой боязливым шопотом.

Анонимные пасквили, полученные Пушкиным 4 ноября, взволновали страстную душу поэта и послужили толчком к событиям, разыгравшимся вокруг семьи Пушкина в ноябре, декабре и январе и завершившимся роковым поединком поэта с Дантесом, приемным сыном голландского посланника барона Геккерена, и смертью от раны. Современники возлагали всю вину за происшедшее на составителя пасквиля. Мы так не думаем; мы не можем свести историю дуэли только к пасквилям, но в цепи причин и поводов, определявших волевые решения

Пушкину, а на ее сестру Екатерину. „Так женитесь на ней!“ — услышал Дантес от Пушкина. Дантес был одурочен, а вместе с ним и его приемный отец. Старый Геккерен, отправляя Пушкину диплом, как намек на Николая Павловича, рассчитывал, что он без всякого риска нанесет жестокий, злой удар Пушкину, и что Пушкина внимание будет отвлечено в сторону от инцидента Дантес — Наталья Николаевна и сестра ее.

И из друзей Пушкина некоторые считали барона Геккерена виновником пасквиля, не одного его, но и его пособников, молодых людей аристократического круга. По рассказам Вяземских, записанных Бартевелем, старик барон Геккерен был известен своим распутством. Он окружал себя молодыми людьми наглого разврата и охотниками до

Князь Петр Владимирович Долгоруков. Его рукой написан пасквиль, полученный Пушкиным в ноябре 1836 года.

Графу Михаилу Андреевичу Вяземскому
на Михайло Андреевиче Вяземском
до моего брака купцово

Надпись на конверте, в который был вложен пасквиль. Написан кн. Долгоруковым измененным почерком, но не выдержанным до конца.

Пушкина, гнусному диплому надо отвести не последнее место, и, конечно, не последнее место на скамье обвиняемых по делу об убийстве Пушкина займут пасквилянты — изобретатели текста, переписчики, распространители.

Современники с особым тщанием и любопытством старались закрепить за тем или другим репутацию пасквилянта. Сам Пушкин подозревал в составлении диплома одну даму, которую он назвал графу В. А. Сологубу, посреднику в дуэльных переговорах с Дантесом, и которую Сологуб нам не назвал. Кроме того, он через три дня розысков пришел к твердому заключению, что главный виновник пасквильного дела — барон Геккерен: последний послал диплом, как намек на Николая и Наталью Николаевну; ему и в голову не приходило, что Пушкин разгадает эту игру. А Пушкин разгадал и отомстил, обрушив вызов на голову сына его, Дантеса. Внешние поводы для вызова Дантеса у Пушкина были. Любовная игра Дантеса с Н. Н. Пушкиной обращала внимание света и не укрывалась от Пушкина. Летом 1836 года случилось происшествие, уличившее Дантеса в глазах Пушкина, и Дантес должен был, спасая и себя, и Пушкина от гнева мужа, заявить Пушкину, что его вожделения направлены не на Наталью Николаевну

любовных сплетен и всяческих интриг по этой части; в числе их находились князь Петр Долгоруков и граф И. С. Гагарин. Определенно высказывался и Н. М. Смирнов, муж известной приятельницы Пушкина — Александры Осиповны Смирновой, отлично знавший высший свет своего времени: „Весьма правдоподобно, что Геккерен был виновником сих писем с целью посорить Дантеса с Пушкиным и, отвлекая его от продолжения знакомства с Натальей Николаевной, исцелить его от любви и женить на другой. Подозрение также падало на двух молодых людей — кн. Петра Долгорукова и кн. Гагарина, особенно на последнего. Оба князя были дружны с Геккереном и следовали его примеру, распуская сплетни. Подозрение подтверждалось адресом на письме полученном К. О. Россетом: на

нем подробно описан был не только дом его жительства, куда повернуть, взойдя на двор, по какой итти лестнице, и какая дверь его квартиры. Сии подробности, неизвестные Геккерену, могли только знать эти два молодых человека, часто посещавшие Россета, и, подозревание, что кн. Гагарин был помощником в сем деле, подкрепилось еще тем, что он очень мало знаком с Пушкиным и казался очень убитым тайною грустью после смерти Пушкина. Впрочем, участие, им принятое в пасквиле, не было доказано, и только одно не подлежит сомнению, — это то, что Геккерен был их сочинитель“.

Итак, с первых же дней молва настоятельно указывала на Геккерена и его подручных молодых людей — кн. Гагарина и кн. Долгорукова. Было названо и еще одно имя — С. С. Уварова, министра народного просвещения, жестоко оскорбленного Пушкиным в его оде: „На выздоровление Лукулла“, но это имя называлось не часто, и называвшие не приводили никаких улик.

II.

Всемогущее III отделение в свое время ставило задачу разыскать переписчиков пасквиля, но розыски вело вяло, неохотно, как бы по принуждению, как будто для отписки: прика-

НЕ ПИСЬМА ПУШКИНУ?

зали—и делаем. Чиновники III отделения пытались добиться результатов путем сличения почерка пасквили с почерком подозреваемых лиц. Граф Бенкендорф обратил внимание на некоего Тибо, друга Россета (брата А. О. Смирновой); III отделение достало почерки двух Тибо, но из этого ничего не вышло. Не по тому следу шли сыщики из III отделения. Попробовали, но тоже безрезультатно, подвергнуть сравнению русский почерк Дантеса. Сохранилось и еще одно сообщение о розысках—в воспоминаниях Н. И. Иванецкого, бывшего студентом университета в то время. „Тайная полиция часто обращалась с этим письмом к нашему отставному профессору Бутырскому, не может ли он узнать по почерку этих писем, потому что под его руководством воспитывалось много молодых людей, и, следовательно, он мог примениться к разным почеркам. Но Бутырский, разумеется, не мог узнать. Я слышал это от Бутырского“.

III отделение, в распоряжении которого был подлинный пасквиль, не пришло ни к каким выводам о писцах пасквиля. Другим Пушкина, уничтожившим присланные ими экземпляры, оставалось только гадать. С. А. Соболевский в 1861 году обращался ко многим лицам, получившим анонимный диплом, и не нашел нигде подлинника. Граф Соллогуб утверждал: „Стоит только экспертам исследовать почерк, и имя настоящего убийцы Пушкина делается известным народу на вечное презрение всему русскому народу. Это имя вертится у меня на языке, но пусть его отыщет и назовет не достоверная загадка, а божье правосудие“.

Но подлинные пасквили не исчезли начисто и обнаружили через много десятков лет после дуэли. Незадолго до мировой войны в Пушкинский музей при лице был передан один экземпляр: к сожалению, передатчик остался неизвестен. Второй экземпляр, как и следовало ожидать, был открыт в тайниках архива III отделения, после Февральской революции, когда департамент полиции перешел в руки восставшего народа. Только

в 1927 г., через девяносто лет после событий, я получил возможность поставить научную экспертизу почерков. Впервые на место достоверных догадок мы опираемся на объективные данные графического анализа, и впервые не божье правосудие, а судебный эксперт Ленинградского губсуда называет имя человека, чьей рукой написан диплом на звание регонска. Конечно, этому жалкому пасквильному герою мы не дадим эпитета „настоящий убийца Пушкина“. Если даже возводить (чего мы не делаем) смерть Пушкина от ран на дуэли только к анонимным письмам, то и тогда мы должны сказать, что убийца был не один, что убийцей был целый коллектив, члены которого были объединены и спаяны общим пороком. В этом патологическом коллективе один играл роль руководителя, другие — исполнителей. „Одного из физических исполнителей мы можем теперь назвать без риска ошибки.“

В конце июля 1927 года я обратился к известному ленинградскому специалисту, судебному эксперту и инспектору научно-технического бюро Ленинградского губернского уголовного розыска А. А. Салькову, и предложил ему произвести графическое исследование почерков на предьявленных мною документах. А предьявил я ему четыре группы документов: прежде всего, конечно, подлинные пасквили, затем собственноручные письма голландского посланника барона Геккерена, князя Ив. Серг. Гагарина и князя Петра Влад. Долгорукова.

Графиня Мария Дмитриевна Нессельроде.

Таким образом, три человека были привлечены к следствию по делу о написании пасквили: барон Луи Геккерен, князь Иван Сергеевич Гагарин и князь Петр Владимирович Долгоруков. В течение августа судебный эксперт производил изучение и сличение почерков этих лиц с почерком диплома. Результаты своего исследования он изложил в обширном „протоколе графической экспертизы почерка“. Полностью этот протокол с воспроизведением всех решительно документов появился в выходящем на днях в Госиздате третьем издании моей книги: „Дуэль и смерть Пушкина“. Здесь мы воспроизводим небольшие куски рукописей, подвергнутых анализу. На воспроизведениях анонимного письма и почерков подозреваемых лиц одинаковыми значками, поставленными экспертом внизу над буквами, отмечены буквы одинакового начертания, и читатель может сам убедиться в тождестве почерков и проверить заключение экспертизы. В почерках Геккерена и Гагарина эксперт не нашел никакого сходства с почерком пасквили, а относительно результатов экспертизы почерка князя Долгорукова привожу целиком заключение экспертизы:

На основании детального анализа почерков на данных мне анонимных пасквильных письмах об А. С. Пушкине и сличения этих почерков с образцами подлинного почерка князя Петра Владимировича Долгорукова в разные годы его жизни, а также с умилненно измененным почерком анонимного письма шантажного характера к князю Воронцову в 1856 году, отождествленного с почерком князя Петра Владимировича

Je me permets donc maintenant de vous remettre la dernière main du quatrième volume de mon livre généalogique, dans ce volume se trouvent les Mémoires de Melaninow et par conséquent les anciens Mémoires d'examen de scrupuleusement les papiers que Votre Altesse m'a envoyés et jusqu'à présent, il m'a été impossible de conclure, sans ces vieux documents et les chroniques, des preuves de l'authenticité des papiers en question. Les sentiments de respect et d'admiration que je professe pour Votre Altesse m'auraient rendu bien doux le plaisir de vous être agréable, mais je suis obligé d'imprimer l'article d'une manière complètement opposée à celle que vous auriez désirée, mon Prince, si vous ne vous pressiez point de m'envoyer des documents supplémentaires, qui, éclaircissant les passages obscurs, auraient pu lever toutes les difficultés.

Le temps marche: il faut se hâter car l'un de vos documents se trouve ici à la campagne jusqu'à premiers jours d'octobre. Mon excuse est: Myko, son yver, de son temps.

Je prie Votre Altesse d'agréer l'hommage en profond respect et en toute dévotion avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

avec très-obéissant serviteur.

Prince Pierre Dolgoukoff.

Александрович — Писемский,
визит в Телен. 4-е издание

Подлинное письмо кн. Долгорукова.

Долгорукова экспертом Теофилом Деларю в 1861 году в Париже, я, судебный эксперт, Алексей Андреевич Салков, заключаю, что данные мне для экспертизы в подлинниках пасквильные письма об Александре Сергеевиче Пушкине в ноябре 1836 г., написаны, несомненно, собственноручно князем Петром Владимировичем Долгоруковым“.

Необходимо разъяснить ссылку эксперта на шантажное письмо князя Долгорукова. Долгоруков известен, как автор солидного генеалогического труда по истории родов русского дворянства — „Российская Родословная Книга“. Закончилась работа над четвертым и последним томом этого труда, и, намереваясь

подать на имя Императора, вот что я
мою книгу, сообщите ее на имя графини,
и особенно графу Долгорукову Ковалевскому и
Ивану Сергеевичу Мухомову, которые по-
лучат книгу Сергеевичу, что сам Толкач и
Т. Мухомов отдают мне книгу и письмо
— пишу, а шантажиста на дуэль, и тогда буду
прощать вам и Ивану Сергеевичу Ковалевскому
и мое дело будет вполне удовлетворено.
Мне же вы будете писать, чтобы я писал, а
после этого против шантажиста.

Ваш искренний почитатель и почитаемый
А. А. Сальков

А. А. Сальков

Подлинное письмо кн. Долгорукова.

включить сюда род Воронцовых, Долгоруков обратился к представителю рода — фельдмаршалу князю М. С. Воронцову, очень

гордившемуся древностью своей фамилии, с просьбой прислать ему дополнительные документы по истории рода Воронцовых. В случае неполучения этих документов, Долгоруков обещал напечатать свою статью совсем не в том виде, в каком бы желал граф Воронцов. Долгоруков же держался того взгляда, что современный ему род Воронцовых не идет дальше XVIII века. Когда фельдмаршал Воронцов раскрыл конверт с письмом Долгорукова, из конверта выпало другое письмо, на французском языке, написанное явно измененным почерком, следующего содержания: „Его светлость граф Воронцов обладает верным средством побудить к напечатанию своей генеалогии в „Российской Родословной Книге“ в том виде, как ему угодно: средство это — подарить князю Долгорукову 50.000 рублей серебром, тогда все сделается по его желанию. Но времени терять не должно“.

Опуская подробности этого случая, для нашей цели ненужные, скажу только, что в 1861—1862 гг., по жалобе сына Воронцова, гражданский суд департамента Сены разобрал вопрос об этом шантажном письме и согласился с заключением эксперта Теофила Деларю, что шантажное письмо писано собственноручно князем Долгоруковым. В свое время процесс Воронцова с Долгоруковым наделал много шума, но некоторые из современников, в том числе и А. И. Герцен, приняли сторону Долгорукова, ибо Долгоруков убеждал, что французский суд подкуплен, что процесс против него был поднят русской знатью и русским правительством в отместку за те разоблачения, которые Долгоруков сделал в своих книгах и своих журналах. Но перечитывая в настоящее время обемистую книжку, содержащую изложение процесса, а главное — просматривая внимательно и заключение французского эксперта, и подвергшиеся его экспертизе документы — письмо Долгорукова, подлинное и письмо шантажное, нужно полностью принять выводы французского эксперта. Таким образом, для экспертизы 1927 года почерк Долгорукова был представлен и в настоящем, подлинном своем виде, и заведомо для нас измененном. И вот, сравнивая все почерки Долгорукова, приходится констатировать сходство общего характера письма Долгорукова во всех документах — расшатанность почерка с буквами неодинаковой величины и неодинакового расположения по прямой линии строк — одни выше, другие ниже; не вполне однообразная, как бы нерешительная тонкость письма, без определенных нажимов пера в тонких и толстых штрихах в одних и тех же буквах; различные промежутки между строчками. Но, помимо сходства общего характера письма, убедителен анализ отдельных букв, напр. франц. „А“ (с излишним штрихом, повторяющимся на протяжении 1836—1856 гг.), „С“ (во всех случаях слабо выраженная удлиненная форма, с едва заметным, очень коротким загибом), „t“ (в виде креста без загиба нижней части), „К“, „g“ (характерный крутой загиб в левую сторону нижней петли), русская буква „Ф“, и т. д.

III.

Итак, князь Петр Владимирович Долгоруков, представитель именитейшей дворянской фамилии, генеалог, историк, публицист, журналист и эмигрант. Его имя должно приговоздить к позорному столбу. Несколько слов необходимо сказать о нем. Князь П. В. Долгоруков на всем протяжении сознательной жизни — характерное, а моментами комическое и нелепое порождение фронды родовитого русского дворянства против самодержавия и узурпации так называемой фамилии Романовых. В эмигрантских кругах Долгорукова именуют претендентом на русский престол. Он давал к тому поводы. Среди дворян Чернского уезда, Тульской губернии, Долгоруков без стеснений бахвалится: „Романовы — узурпаторы, а если

кому царствовать в России, так, конечно, мне, Долгорукову, прямому Рюриковичу. Действительно, своей генеалогией Долгоруковы могли похвастаться перед Романовыми. Из ближайших предков Долгорукова отличались блестящей карьерой его дядя — Петр и Михаил Петровичи, любимцы Александра I, генерал-адъютанты чуть не в юношеском возрасте. Дядя Михаил сочетался бы браком с царской сестрой, если бы не неожиданная смерть в бою. Наш герой, оставшийся круглым сиротой по первому годку жизни, получил воспитание и образование в Пажеском его величества корпусе, в 1831 году он был произведен в камер-пажи. Мечтал он о головокружительной карьере, но в корпусе с ним случилась какая-то неясная для нас история. „За дурное поведение“ по высочайшему повелению он был разжалован из камер-пажей в пажи и выпущен из корпуса не в гвардейский полк, даже не в пехотный, а только к статским делам, чином XII класса и

Князь Долгоруков — кавалер ордена Полосатого Осла. Долгоруков в своем журнале в 1861 году напечатал прощальное извещение об учреждении ордена Полосатого Осла по случаю празднования тысячелетия России и распределил пожалование орденом.

с аттестатом, в котором было прописано и дурное поведение, и разжалование. С таким аттестатом нечего было и думать о какой-либо карьере служебной. А честолюбие и жажда выделиться были чрезмерно велики. В 1841—1843 гг. он побывал за границей и напечатал небольшую книжку о главнейших дворянских родах; в ней он приоткрывал завесу над закулисной стороной дворянских биографий. Книжка привела в немалое раздражение и задетых сановников, и правительство. Долгоруков был вынужден по царскому приказу в Россию, но III отделение обошлось с ним мягко: после внушения отослало в Вятку и через год разрешило выехать из Вятки. Долгоруков почувствовал свою силу и слабый пункт в психологии тех сановных представителей знати, которые закрывали ему ход и движение. Он решил их разоблачить. В 1858 году он тайно, без разрешения, переехал границу, и в течение десяти лет доставлял уйму неприятностей министрам, шефам жандармов, крупным чиновникам своими обличениями и рассказами об их карьере, об их пороках, разврате. А знал он крути придворные и правительственные великолепно. Двигали им личные мотивы. Он бывал сварлив, необычайно вздорен. То, что мы знаем о Долгорукове, рисует его личность в крайне непривлекательных чертах. За границей, кажется, не было человека, с которым он не разругался бы, и только Герцен мог сдерживать его нелепые выходки, зато чуть ли не одного Герцена Долгоруков оставил в покое.

В 1836 году осенью Долгорукову не было еще полных двадцати лет, когда он принял участие в организованном походе на честь Пушкина. Поход этот был предпринят патологическим коллективом молодых людей, окружавших барона Геккерена, под его предводительством. Князь Долгоруков разделял пристрастие к любимому пороку пажей, гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Когда впоследствии князю Долгорукову пришлось жениться на красивой женщине, супружество было на редкость неудачным; князь совсем не интересовался своей женой, и когда ему указывали на это, он отвечал: „Ну, это кучерское дело“. Один из современников, кавалергардский офицер, товарищ Дантеса, князь А. В. Трубецкой засвидетельствовал в своих воспоминаниях, что в ту эпоху мужеложество было распространено в высшем свете, и повинен в нем были и сам Дантес в своих отношениях к Геккерену. Любопытно, что в пасквили, полученном Пушкиным, неперменным секретарем отдела рононосцев назван граф И. Борх. Об этом Борхе ничего не было известно исследователям, и только теперь мы можем огласить, что граф И. Борх разделял азиатские вкусы, характерные для Геккерена и Долгорукова. Случилось так, что Пушкин, отправляясь на поединок вместе с своим секундантом Дантесом, встретил по дороге карету четверней. В карете сидела чета Борх — граф Иосиф Михайлович Борх и графиня Любовь Викентьевна Борх, урожденная Голынская. Увидя их, Пушкин сказал Дантесу: „Вот две образцовых семьи („Voilà deux manages exemplaires“)“. Дантес не понял слов Пушкина, а Пушкин пояснил: „Ведь жена живет с кучером, а муж — с фрей-тором“.

Князь П. В. Долгоруков вряд ли имел какие-либо личные счеты с Пушкиным: он был еще мальчишка, но в свете на балу этот хромоногий аристократ (его прозвище „le bancal“) не прочь был за спиной Пушкина растопыривать пальцы и показывать рога. Тогда эти гнусности назывались „шалостями“. Низкий моральный уровень света, травившего Пушкина, зафиксирован в воспоминаниях непоточного князя Трубецкого, товарища по полку Дантеса: „В то время несколько шалунов из молодежи, — между прочим — Урусов, Опочинин, Строганов, мой cousin, — стали рассылать анонимные письма по мужьям рононосцам. В числе многих получил такое письмо и Пушкин“.

Вот из каких низин поднимались душевные испарения, отравившие жизнь Пушкина. Но мы были бы несправедливы, если бы к именам Долгорукова и Геккерена не присоединили еще одного имени — высокопоставленной дамы, законодательствовавшей в свете, покровительствовавшей Геккерену и ненавидевшей Пушкина. Она была из ряда надменных потомков „известной подлостью прославленных отцов“ (в буквальном смысле слова) — графиня Мария Дмитриевна Нессельроде, дочь Гурьева, министра финансов, изумлявшего своим взяточничеством и грабительством даже искушенный чиновничий мир того времени. Дочка была достойна своего отца: „Взяточница, сплетница и настоящая баба-яга, отличавшаяся необыкновенной энергией, дерзостью, нахальством, и посредством этой дерзости, этого нахальства державшая в безмолвном решепке петербургский придворный люд, трусливый и малодушный, всегда готовый ползти перед всякой силой, откуда бы она ни происходила“. Другой современник писал о графине Нессельроде, что „дружба ее была неизменна, заботлива, охранительна, а вражда — ужасна и опасна. Это уже — вершина петербургского света“.

Итак, кн. П. В. Долгоруков — физический исполнитель; барон Геккерен — его вдохновитель, а графиня Нессельроде — неизменный друг и охранитель Геккерена. Вот — прямые губители Пушкина.

Юмореска А. Архангельского. Иллюстрации К. Елисеева.

Квартира, в которой я имею несчастье проживать, потрясена необычным происшествием. Какие-то злоумышленники, воспользовавшись тем, что дверь на черную лестницу была не заперта, похитили белье жилицы Анны Осиповны, принесенное ею для глаженья с чердака.

Все жильцы сбегались на отчаянный вопль пострадавшей. Сначала думали, что на кухне взорвался примус—явление довольно частое в нашей квартире. Но все восемь примусов были целы и стояли на кухонном столе в зловещем молчании.

Анна Осиповна металась по кухне, выкрикивая проклятья по адресу негодяев, укравших ее белье. Она то выскакивала на черную лестницу, словно надеясь настигнуть воров и отнять похищенное, то вбегала в кухню в состоянии величайшей растерянности, свойственной людям, на которых несчастье обрушилось неожиданно.

Мы—свидетели этой трагедии—пытались хоть как-нибудь смягчить тяжесть свершившегося. Белье пропало. Украденного не воротить. Но можно и должно установить—кто из жильцов оставил дверь открытой. По чьей вине воры проникли на кухню? Ведь сколько раз говорилось, что дверь на черную лестницу надо закрывать не только на крючок, но и на задвижку! И вот, нате вам!

Но каждый клялся и божился, что он не выходил в злополучный день через кухонную дверь и вообще не пользуется этим ходом.

Анна Осиповна, без передышки лившая слезы, в последний раз выбежала на лестницу и, отчаявшись вернуть украденное белье, плача упала к себе в комнату. В комнате плач перешел в рыдания. Они были так громки, что мы, продолжавшие толпиться на кухне, испугались.

— Товарищ Востряков!—умоляюще сказала Елизавета Алексеевна, — пойдите и успокойте бедную женщину!

— Да, да. Артем Сергеевич, утешьте ее, пожалуйста. Вы слышите, как она рыдает? С нею будет истерика!

Мы все принялись упрашивать товарища Вострякова. Он обладал добрым сердцем и удивительной способностью утешать людей силой своего красноречия.

Неделю назад, когда ребенок Агнии Петровны обварился кипятком, только один Артем Сергеевич смог утешить перепуганную мать и заставить замолчать неистово оравшего на всю квартиру младенца.

Товарищ Востряков отправился к Анне Осиповне. В качестве консультантов с ним пошли я и Елизавета Алексеевна.

— Ну, успокойтесь, дорогая!—войдя в комнату, мягко и ласково начал Артем Сергеевич. — Ну, перестаньте! Стоит ли волноваться? Взгляните трезво на положение

вещей. Украли белье. Прекрасно. Но ведь могло быть хуже? Воры могли украсть вашу одежду!

Артем Сергеевич не говорил, а ворковал. Он отечески поглаживал рыдавшую Анну Осиповну по голове и проникновенным голосом говорил:

— Разве в жизни не бывает фактов более ужасных, в сравнении с которыми сегодняшний случай ничто? Посмотрите на него с точки зрения мирового масштаба. В Японии океанской волной смыт целый город. Погибли тысячи человеческих жизней! В Крыму землетрясением разрушены тысячи домов! Десятки тысяч людей остались без крова! Так что же в сравнении с этим ваше украденное белье? Абсолютная ничтожность! Нули!

Он перестал поглаживать Анну Осиповну и простер правую руку вперед, словно перед ним была тысячная аудитория.

— Вы только подумайте, Анна Осиповна. Теперь, когда акулы мирового империализма готовятся на нас войной, можно ли тратить нервы на какие-то маленькие, личные огорчения? Нет, и тысячу раз нет! Анна Осиповна, перестаньте! Вытрите слезы! Успокойтесь!

Вдохновенная речь подействовала на Анну Осиповну. Плач перешел во всхлипывания, затем стихли и они. Анна Осиповна вытерла платком слезы и громко высморкалась. Это был хороший признак. Она явно успокаивалась.

— Ну, вот и прекрасно!—ласково сказал Артем Сергеевич. — Вот и хорошо.

Анна Осиповна высморкалась еще раз.

— Это было мое новое белье!—сказала она с горечью, поворачивая к нам заплаканное лицо. — Я только что его сшила. Истратила восемьдесят семь рублей!

— Плюньте, плюньте, дорогая!—нежно перепробовал Артем Сергеевич. — Главное, не волнуйтесь. С точки зрения

мирового масштаба это совершеннейший пустяк!

Анна Осиповна посмотрела на него, что-то припоминая, затем воскликнула:

— Артем Сергеевич! Ведь они и ваш чемодан украли! Он стоял как раз у двери...

— Что-о-о?

Переход от нежного воркования к дикому крику был настолько неожидан, что мы сперва не сообразили, что это крикнул товарищ Востряков. Но крикнул именно он.

— Что-о? Мой чемодан?

Он стремительно вылетел из комнаты. Мы кинулись за ним. Чемодана, который вчера Артем Сергеевич собственноручно вычистил гуталином и оставил на ночь для просушки, не было.

— Негодяи!—заорал Артем Сергеевич. — Мой новый чемодан! Кто оставил дверь открытой?

Он вопил на весь дом, на весь квартал, бегая по кухне и размахивая кулаками, словно колоти ими невидимых похитителей.

— Артем Сергеевич!—испуганно сказала Елизавета Алексеевна, — вы посмотрите у себя, может быть он там.

Артем Сергеевич помчался к себе в комнату, но через минуту снова появился на кухне.

— Украли!—закричал он. — Мой чемодан! Мне привезли его из Берлина! Я заплатил за него шестьдесят рублей!!!

— Товарищ Востряков!—подходя к нему, сказал я, стараясь вложить в свой голос как можно больше нежности и сочувствия, — Артем Сергеевич, успокойтесь! С точки зрения мирового масштаба это ничтожнейший факт. В Японии океанской волной смыт целый город... землетрясением в Крыму разрушены сотни зданий...

— Что?!—заорал Артем Сергеевич. — Что вы бормочете, чорт вас раздери?

Я хотел было в качестве веского довода упомянуть о наводнении в Америке и землетрясении в Намангане, но, увидев глаза Артема Сергеевича, осекся и подавился словами.

В глазах товарища Вострякова, этого добросердечного человека и нежнейшего утешителя, я увидел ярость собственника, потерявшего принадлежащую ему вещь. И эта ярость была так велика, что измерить ее можно было только мировым масштабом!

Александр Архангельский.

АВТОБИОГРАФИЯ В. Д. СТАСОВОЙ-КОМАРОВОЙ

Один французский писатель изложил свою автобиографию в следующих строках: „Я родился, мне привили оспу, а потом, когда я вырос, я стал писать романы“.

Моя жизнь настолько проста и небогата происшествиями, что я могла бы вместо

Варвара Дмитриевна Стасова-Комарова (литературный псевдоним — Владимир Карелин), получившая премию Французской академии наук за работу по исследованию работ Жорж Санд. Сейчас В. Д. — ученый хранитель рукописного отделения Пушкинского Дома. Фот. А. Животовой.

своей автобиографии написать как раз то же самое. Но именно то, как и среди кого и чего я выросла, не совсем обыденно, поэтому об этом можно рассказать.

Родилась я 12 (24) августа 1862 года в Петербурге, на Фурштатской, в доме № 16, где мои родители — Дмитрий Васильевич Стасов и Поликсена Степановна Стасова, урожденная Кузнецова — поселились в самый день своей свадьбы.

О моем отце, Дмитрии Васильевиче Стасове, — кстати сказать, 20 января 1928 года как раз исполнится 100 лет со дня его рождения, — теперешние читатели почти совсем не знают, а между тем он сыграл крупную роль в русской культуре, и жизнь его была тесно связана с жизнью многих больших людей и с большими общественными начинаниями. Как юрист, он был одним из подготовителей судебной реформы 1864 года и одним из деятельнейших сотрудников С. И. Зарудного в деле составления судебных уставов, а после введения гласного суда был первым председателем первого в России совета присяжных поверенных. Он составил себе большое имя в гражданских делах и выступал защитником во многих политических процессах, начиная с знаменитого процесса тверских мировых посредников, потом в процессах: Каракозова, в Нечаевском, в процессе „193“, в процессе Ковальского в Одессе в 1878 году и т. д., да и сам подвергался политическим преследованиям, обыскам, арестам и ссылке (1861, 1879 и 1880 гг.).

С другой стороны, широко образованный, с юности занимаясь музыкой и интересуясь вообще искусством, он был одним из тех ближайших друзей Глинки, которые в последние годы жизни гениального композитора утешали и поддерживали его среди гибельного для него равнодушия; был близок: с Балакиревым, Серовым, Львовым, Островским, Даргомыжским, Кюи, Мусоргским, Бородиным и Римским-Корсаковым. Живя среди самой скромной обстановки и никогда не гонимая за „стильной мебелью“ и т. п., он приобрел много картин лучших русских и иностранных художников, соби-

рал рисунки, гравюры, постоянно выписывая художественные и музыкальные издания и журналы на всех европейских языках.

У него в доме постоянно бывали и Ренин, и Конет. Маковский, и Антокольский, и Верещагин, он был тоже хорошо знаком с Тургеневым, Григоровичем, Салтыковым, Некрасовым, Герценом, Чернышевским и др.

Моя мать была очень одаренной натурой, у нее был прямо *дар слова*, и ораторский и писательский, и оставленные ею „Записки“, отдельные воспоминания о разных лицах и записи ее речей не только очень интересны по содержанию, но прямо прекрасно написаны. Была она типичной представительницей 60-х гг., со всеми их стремлениями и идеалами, с горячей жаждой знания, с желанием служить обществу и человечеству, а не замыкаться в кругу своих семейных интересов.

Меня она подготовила по всем предметам (кроме языков, географии, которым меня учил отец, и математики, которую мне преподавал Алексей Васильевич Юдин, ученик Евтушевского) в 4-й класс гимназии.

Мы все с детства говорили по-немецки.

Моя мать прекрасно говорила и писала по-французски. А потом и мы все говорили по-французски, затем мы выучились и по-английски. Позже я выучилась итальянскому и польскому языкам, в Финляндии научилась читать по-шведски и по-фински, а в Крыму училась у муллы по-татарски.

Гимназию я окончила с золотой медалью. Часто говорят, что так оканчивают тупицы и зубрилы. Тупица я или нет — не мне судить, а зубрилой я никогда не была, ученье было для меня очень легко, а об экзаменах до сих пор вспоминаю с великим удовольствием. Такое светлое время, белая петербургская ночь, мы сидим на окне с подругой и отвечаем друг другу русскую историю, психологию или тригонометрию, и поедаем в невероятном количестве апельсина. Когда я теперь чищу апельсин, мне всегда вспоминается что-то радостное, молодое, точно опять надо держать экзамен!

В 1882 году я вышла замуж за Н. Н. Комарова и уехала в Финляндию, где прожили мы около трех лет. Позднее жили в Крыму, в Сибири, в Пскове, в Польше, в Архангельске, и я могла хорошо изучить провинциальную жизнь.

В 1883 году, С. А. Давыдова, известная исследовательница кустарных промыслов и автор труда о кружеве русском, поручила мне собрать сведения о кустарном кружевном промысле в Финляндии. Но так как сделанная мною работа оказалась очень значительной и снабженной многочисленными снимками, то это исследование было целиком передано в Русское Техническое Общество.

Собственно первым моим литературным произведением является роман в двух частях „Муся“, напечатанный в 1888 году. Затем я уже не оставила литературной работы, писала сказки („Невидимка“, „Про маленькую рыбку“, „Жемчужина“), рассказы („Из детского мира“, „Яд“, „Разбитые стекла“, „Феминистка из Абросимовки“), повесть („В облаках“); драма „Каролина Нейбер“ — шла в Малом театре в Петербурге. Писала очень много и по истории

музыки — о Балакиреве, Лядове, Мусоргском, Бородине, Римском-Корсакове, Глинке, Кларе Шуман, и по литературным вопросам — о Сенкевиче, Мицкевиче, Бодларе, французском романе из военного быта, о бельгийских областных писателях.

Свою работу о Жорж Санд я начала по предложению моего отца, который находил, что не существует ее настоящей биографии. Когда я уже начала эту работу, в 1892 г., он через Полину Виардо познакомил меня с невесткой Жорж Санд, т-ме Морис Санд, и получил от нее много сведений и указаний. В 1894 году я впервые поехала в Париж для дальнейшей работы, и так близко сошлась с т-ме — Морис Санд, что она стала звать меня своей третьей дочкой, подружилась и с внуками Жорж Санд — Авророй и Габриэль — и переняла со всеми оставшимися в живых друзьями великой писательницы, а главное, получила от великодушного и прямодушного т-ме Морис разрешение использовать все неизданные материалы, документы и письма, имевшиеся в архиве Ногана.

В 1895 году и 1898 году я таким же образом работала в архиве Спильберка в Брюсселе, и училась библиографической работе у этого несравненного библиографа и известного знатока французской литературы XIX века, и с ним, и с верной его помощницей женой, Молли де-Спильберк, я вскоре так близко сошлась, что они стали моими лучшими друзьями не только на литературном поприще, но и в моей личной жизни. Для той же работы я еще ездила в Париж и Брюссель в 1904, 1909, 1914 и 1924 гг.

В 1904 году присутствовала на торжественном празднестве столетнего юбилея Жорж Санд, а в 1926 году была, по приглашению Общества друзей Жорж Санд, почетным членом которого меня избрали, командирована Академией Наук на торжества по случаю 50-летия со дня кончины французской писательницы.

Моя книга вышла по-французски в четырех томах, с указателями и библиографией на шести языках. 21 июля нынешнего 1927 г. Французская академия присудила мне за нее премию. По-русски вышло два тома, соответствующих трем французским, а последний, третий, соответствующий четвертому французскому, и за которую в 1919 г. получила Макарьевскую премию нашей Академии Наук, лежит до сих пор в рукописи.

С 1912 г. я работаю в Пушкинском Доме, состою ныне ученым хранителем рукописного отделения. Общество любителей русской словесности оказало мне высокую честь, избрав меня своим действительным членом. Точно так же Общество любителей древней письменности и искусства избрало меня в действительные члены в 1924 году, а с 1926 года состою действительным членом Исследовательского института при Ленинградском университете, а с 1927 г. — действительным членом.

Варвара Комарова.

В. Д. Стасова в 1892 г., в начале изучения работ Жорж Санд.

ЕВРЕЙКА НА ЗЕМЛЕ

Радость и горе сменяют друг друга в жизни... Так и на еврейских переселенческих поселках; слышен там и смех, льются там и слезы.

Вот на Украине, в Криворожье, Красинский участок.

Я остановилась у бабушки Мережницкой. Это—сама сердечность, и она часто плачет; ей до боли жаль своих детей; дочь ее в Прилуках, Полтавской губ., училась, была курсистка, а теперь босая, грязная, работает в поле, вяжет снопы. Сын, по ремеслу саложник, поступил в тракторный отряд, проработал три недели под открытым небом без горючей пищи, простудился и теперь болеет...

— Трудно привыкнуть к деревенской жизни, — говорит бабушка, — в первый раз по пали на землю. Весь век прожили не богато, но в городе; пятьдесят копеек на базар всегда в доме было; а тут приходится сидеть по неделям без копеек: сахару не на что купить, а чай можно еще пить без молока, но не без сахара; а без чая сердце сохнет. И негде достать копейку до урожая; виноград еще не родится, только молоко носим в сыроварню, молоко и дает на самое насущное, и то если есть две коровы.

И работа—все руками, все руками, а руки не выдерживают; и все в земле, в грязи, кизяк делать противно, на родине сказали бы: „Сумасшедшие вы, такую работу делаете!“ И что это за работа, которую не переделаешь, нет конца этой работе, хоть не спи. Да мы и не спим: от навоза, мажущих стен и полов ночью блохи одолевают. И на себе, посмотрите, одни шматки-транты¹ остались.

Я порылась в сумке и дала бабушке Мережницкой горсточку конфет, и вдруг у нее сделались глаза круглые, как от испуга, и полились ручьем слезы.

— Бабушка, что с вами?

— Нет со мной внучков, моих красавцев, я их и не вспоминаю, я их забыла. Кому мне теперь дать конфеты? Один мне всегда говорил: „Бабушка, я рыженький, но вы не смотрите, что я рыженький, я буду такой, такой“...

Баракло.

Она полезла в комод доставать и показывать карточки.

Мы застряли с автомобилем в степи; пришлось наложить сразу шесть заплат на камеру; мимо нас проходила девушка, типичная еврейка-переселенка: красный платочек на коротких, курчавых, черных волосах, босая, и платье городского покроя.

Девушки-переселенки

Шофер с ней поздоровался, как со знакомой. Агроном, который вместе с шофером возился с камерой, невольно залюбовался загорелой здоровой девушкой; он ей стал говорить, как она изменилась к лучшему на поселке; девушка, склонив голову, слушала его слова как бы недоверчиво и только повторяла: „Як заливаєт, як заливаєт“... И вдруг спросила:

„А сколько стоит билет до Киева?“ Агроном и шофер уставились на нее с удивлением. — „А зачем вам Киев?“ — „А як же учиться?“ — „А зачем вам учиться, разве не хорошо быть крестьянкой?“ — заговорил агроном. — „Нине хорошо на земле, а мне не очень.“ — „Кто это Нина?“ — спросила я.

Мне стали рассказывать про Нину. Это была старшая сестра, которая приехала на поселок с авангардной группой. Жила в землянке, строила себе хату, мазала пол и стены, сама и белила; теперь она второй год работает в степи наравне с мужчинами.

Мы предложили Зое прокатить ее на автомобиле до Кривого Рога, с обещанием устроить ей там ночлег и вернуть ее обратно домой. Девушка подумала и отрицательно покачала головой:

„Нет, если бы суббота была, я бы поехала, сегодня будни“... Сделала нам прощальный кивок и пошла по дороге в сторону поселка.

Мы уже усаживались в автомобиль, когда она обернулась и опять спросила: „А сколько стоит билет до Киева?“

Немного дальше, в степи, мы встретили Нину. Она везла камень на поселок и правила парой лошадей, сидя на возу. Широко улыбаясь и спокойно взмахивая кну-

том над спиной лошади, она проехала мимо нас.

Почти в каждом переселенческом поселке и в каждой еврейской колонии имеются свои вдовы.

Проезжая утром по улице старой еврейской колонии Каменке, агроном ЕКО указал мне на маленькую глинобитную хатенку, которая строилась на самом выезде колонии. Каждый день хатка заметно подвигалась вперед. На крыше копошились два мальчика, а около хаты таскала глину из ямы малюсенькая черная женщина и помогали ей трое ребяткишек.

Как-то вечером, возвращаясь из степи в колонию, мы решили подехать к интересующей нас хатенке. Хозяйка — вдова с детьми уже устраивалась на покой. На подоконнике крошечное окошечко, забитое доской, горела керосиновая ламочка. В противоположном углу на куче трепья уже лежали детишки—две девочки и мальчик, а рядом два мальчика-подростка устраивали себе постель на земляном полу. Дверь еще не была навешена, и вход в хату был заставлен ящиком. Агроном мне еще раньше рассказал, что муж этой женщины пропал в голодные годы, и, как говорят, его съели. Вдова кормилась все время коровой, выпаивала телят и годовалых продавала. Но жила по чужим людям, снимая угол себе и угол корове. Теперь ей удалось получить

Бабушка Мережницкая.

ссуду в сто тридцать рублей, и она строит вальковую хату в две равных половины—себе и корове. Пока строится хата, дети питаются хлебом, луком и чесноком. Мать им так и сказала: „Хотите хату, питайтесь, как знаете; хотите лучше есть, нема хаты“. Дети ответили: „Хотим хату“, и не жалуется. Из-под тряпок высовываются веселые мордочки и смотрят на посетителей, не спуская глаз.

Мать сама сделала сырец для печи—проработала три дня, выработала пятьсот штук, сберегла семь рублей пятьдесят копеек. Вместе с сыном и племянником делает сама вальки (земля с соломой и вода) для крыши, чтобы сберечь еще восемь рублей. Все молоко целиком отдает в сыроварню; дети пьют молоко только в те дни, когда сыроварня закрыта. Держит кур, яйца продает в кооперацию.

Бодрая крохотная женщина при мне уверила агронома, что как только снимет хлеб, так отдаст сто тридцать рублей, и тогда возьмет еще ссуду, чтобы закончить крышу.

Теперь осенью и хозяйка, и корова спят под собственной кровлей.

Криворожье.

Е. Прудникова.

Няна.

СТАЛЬНОЙ БУХГАЛТЕР

Социализм, это — учет.
В. И. Ленин.

Медленно уходит старое, но мы не можем мириться с этим темпом. Каждый новый день предъявляет советскому социалистическому хозяйству новые срочные требования. Необходимость охватить и учесть величайшее в мире единое хозяйство Советского Союза, необходимость с минимальной затратой в кратчайшее время подсчитать и учесть отдельные дан-

ных. Он является комбинацией описанного выше клавишного перфоратора с обыкновенной пишущей машинкой, причем оба механизма друг от друга не зависят и могут быть использованы применительно к характеру работы: или одновременно, или по отдельности. На этой машине можно одновременно, скажем, выписать покупателю счет и пробить карточку, т. е. изготовить основной и первоначальный бухгалтерский или статистический документ. Кроме очевидных преимуществ этой машины, необходимо отметить следующее: т. к. запись и пробивка делаются одновременно, то исключена возможность совершения ошибки при перенесении записей с документа на карточку.

дет получить ответы на любую комбинацию вопросов в самый короткий срок.

При более сложных работах карточки после сортировки передаются в табуляр-машину. Это — самая сложная из всего комплекта машина. Она составлена из 60.000 отдельных частей. Специальные штифты-щупальцы нащупывают отверстия карточек и приводят в движение счетчики машин. Часть счетчиков может быть заменена буквенным алфавитом для записи текста.

Табуляр-машина совершает следующие работы: она переносит пробитую карточку на ведомость в виде цифр; производит арифметическое сложение записанных сумм; записывает по группам частные суммы, сальдирует путем особой установки. Суммы, занесенные на карточки, могут быть записаны с одной карточки по разным счетам таким образом, что та же сумма будет и в дебете, и в кредите. Табулятор печатает и подсчитывает 4.200 карточек в час.

Переклад	№№	Срок	Счет	Сумма	Вексель	Расход
Дата	Векселей	Срок	Счет	Сумма	Дата	Счет
0 0 0 0 0	0 0 0 0 0	0 0 0 0 0	0 0 0 0 0	0 0 0 0 0 0 0 0	0 0 0 0 0	0 0 0 0 0 0 0 0
1 1 1 1 1	1 1 1 1 1	1 1 1 1 1	1 1 1 1 1	1 1 1 1 1 1 1 1	1 1 1 1 1	1 1 1 1 1 1 1 1
2 2 2 2 2	2 2 2 2 2	2 2 2 2 2	2 2 2 2 2	2 2 2 2 2 2 2 2	2 2 2 2 2	2 2 2 2 2 2 2 2
3 3 3 3 3	3 3 3 3 3	3 3 3 3 3	3 3 3 3 3	3 3 3 3 3 3 3 3	3 3 3 3 3	3 3 3 3 3 3 3 3
4 4 4 4 4	4 4 4 4 4	4 4 4 4 4	4 4 4 4 4	4 4 4 4 4 4 4 4	4 4 4 4 4	4 4 4 4 4 4 4 4
5 5 5 5 5	5 5 5 5 5	5 5 5 5 5	5 5 5 5 5	5 5 5 5 5 5 5 5	5 5 5 5 5	5 5 5 5 5 5 5 5
6 6 6 6 6	6 6 6 6 6	6 6 6 6 6	6 6 6 6 6	6 6 6 6 6 6 6 6	6 6 6 6 6	6 6 6 6 6 6 6 6
7 7 7 7 7	7 7 7 7 7	7 7 7 7 7	7 7 7 7 7	7 7 7 7 7 7 7 7	7 7 7 7 7	7 7 7 7 7 7 7 7
8 8 8 8 8	8 8 8 8 8	8 8 8 8 8	8 8 8 8 8	8 8 8 8 8 8 8 8	8 8 8 8 8	8 8 8 8 8 8 8 8
9 9 9 9 9	9 9 9 9 9	9 9 9 9 9	9 9 9 9 9	9 9 9 9 9 9 9 9	9 9 9 9 9	9 9 9 9 9 9 9 9

Карточка, которая содержит следующую запись: «16 августа 1927 года в Финотдел Госторга поступил вексель № 12423, срокный 5 ноября 1927 года, и сдан Госбанку по счету № 293 в обеспечение. Вексель поступил от Главной технической конторы Госторга. Место платежа — Москва. Сумма векселя — 2019 р. 60 к. Векселедатель — Трест Точной Механики. Гарант — Госбанк».

ные для новых планирования и руководства — побуждают искать новые способы учета и подсчетов.

Исключительно трудная задача максимального упрощения и ускорения бухгалтерских и статистических записей нашла и исключительное решение. Заграничная техника счетно-пишущих машин достигла высокого совершенства и начинает успешно использоваться у нас.

Весь статистический учет, который так обилие и неминуемо сложен в СССР, и почти все бухгалтерские работы, особенно массового характера, могут быть с громадной быстротой и минимальной затратой средств совершаемы на новейших американских машинах системы Пауэрс и Голлерит.

Сущность нового пробивально-карточного метода учета сводится к замене обыкновенной буквенной бухгалтерской или статистической записи пробивкой дырок на специальных карточках. Карточка представляет собою небольшой кусок прочной бумаги, имеющей 45 вертикальных столбиков цифр, от нуля до 9 в каждом. Прежде, чем перейти к работе на машинах, составляется цифровой шифр. Например, при вексельном учете по Госторговскому шифру (опыт применения нового метода у нас в СССР производят в настоящее время Госторг РСФСР и РКИ) первая колонка предназначена для даты прихода векселей (два знака для числа, два для месяца, один для года), вторая колонка — для номера векселей (пять знаков), третья колонка — срок векселя, четвертая — характер операции. Далее идут колонки, означающие счет, сумму, место платежа, векселедателя, гаранта, пролонгацию и т. д. Короче, то, что мы привыкли обозначать и передавать словами, пробивально-карточный метод учета при посредстве цифровой символики передает сочетанием пробитых дырок.

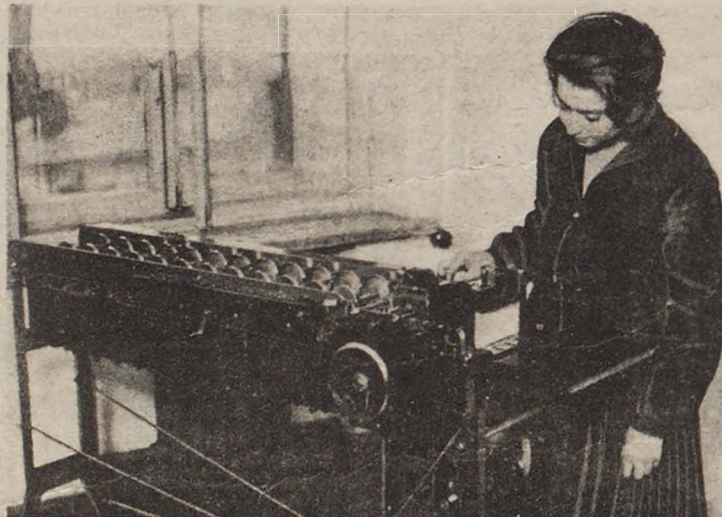
Пробивка карточек производится с помощью специальных пробивальных машин (перфораторов) типа обыкновенной пишущей машинки. Существует несколько типов перфораторов: ручной, автоматический перфоратор, в котором пробивка производится не путем нажима на клавиш, как в первом, а электрическим током, и, наконец, — пи-

сортiroвальную машину; последняя состоит из 12 горизонтальных ящиков, принимающих отсортированные карточки, и одной магазинки, куда вкладывается одновременно кипа приблизительно в 500 карточек, подлежащих сортировке. Сортировка машиной производится с помощью механизма из 12 штифтов щупальцев. Щупальцы устанавливаются на тот ряд карточек, которые работающему необходимо отсортировать.

Точность результатов, полученных при помощи сортировальной машины, абсолютна. Ее пропускная способность — 16.500 карточек в час по одному признаку (или 412 карточек в минуту), а в 6-часовой день — около 100.000 карточек!

Машины снабжены счетчиками, подсчитывающими рассортированные по ящикам карточки, а также вообще количество карточек, пропущенных за день.

Статотдел ЦК ВКП(б) собрался поставить свои машины для сорбиальной обработки результатов партпереписи. Сейчас ЦК партии делает у себя самостоятельную установку для учета работников. Для каждого коммуниста будет пробита карточка, фиксирующая имеющиеся данные. Затем

Карточно-сортировальная машина сортирует около 100.000 пробитых карточек в течение шести часов. Фот. С. Фрилянда.

карточки будут пропущены через сортировальные машины, а результаты — автоматически записаны со счетчиков сортировальных машин. Больше того, в дальнейшем посредством новых пропусков карточек через сортировальную машину можно бу-

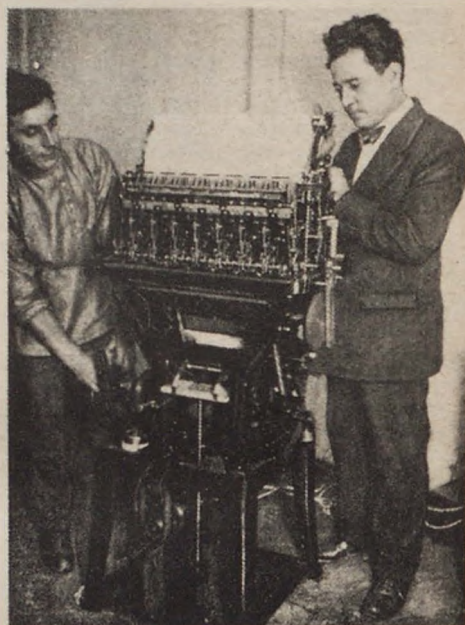

Таблица печатная или табуляр-машина состоит из 60.000 отдельных частей. Табулятор печатает и подсчитывает 4.200 карточек в час. Фот. С. Фрилянда.

Из сказанного вытекает, каково применение описанных машин. По предварительным подсчетам, при переводе с копирующей на машины Пауэрс сортового учета импортных товаров Госторга будет достигнута экономия в 48%; при переводе вексельного учета экономия будет в 72%; при переводе расчетов с рабочими и служащими экономия выразится в 64%.

В заключение нужно отметить, что пробивальные машины как в силу громадной производительности, так равно и вследствие дороговизны (комплект машин стоит кругло 26.000 руб.), недоступны маленьким предприятиям. В настоящий момент различными крупными организациями — секретариат ЦК ВКП(б), РКИ, ЦСУ и НКПС — выписано 30 комплектов описанных машин. Дальнейшее развитие техники в Союзе приведет к организации счетных машинных фабрик, где будет производиться учет и переработка отчетности десятков и сотен больших и малых предприятий. Так в стране пролетарской диктатуры индустриализацией захватываются все новые и новые области, и даже в бухгалтерии и статистике мы сможем скоро приблизить работника пера к машине, к станку.

М. Левенсон.

1 См. описание копирующей в нашей статье в „Огоньке“ № 30 от 24 июля 1927 г.

„ГОП-ЛЯ, МЫ ЖИВЕМ!“

Письмо из Берлина

Берлин получил свой революционный театр.

Среди пестрого фейерверка начала сезона, среди легко взрывающихся ракет оперетты, ревью и веселых комедий—возник красный транспарант: „Театр Пискатора“.

Театр Пискатора образовался своеобразным насильственным путем. У Пискатора, этого режиссерского гения среди пионеров немецкого театра, не было достаточно свободы действия в „Народном театре“ („Фольксбюне“), где он одержал свои первые большие победы. Но к концу дело расстроилось. Когда на сцене „Народного театра“ была в постановке Пискатора поставлена драма Велька „Гроза над Готландом“—пошли судороги по мощному телу „Народного театра“. Это был слишком сильный номер для „отцов“ этого театра. Разве можно было увенчать немецкое средневековое восстание крестьян чертами ленинского облика и китайским революционным движением?

Началась настоящая боевая кампания. Кампания с помощью остервенелых схваток в печати, народных митингов, резолюций протеста.

Пискатор выстроил себе собственный театр, дышит воздухом свободы, — он сам себе хозяин.

Эрвин Пискатор.

В своей программе Пискатор пишет: „Этот театр основан, чтобы через него раскрепостить те политические силы, которые ему откроют путь к преодолению политики. Чистое искусство на почве современности невозможно. Но искусство, которое себе поставило политическую задачу, окажется, поскольку оно ей служит без всяких компромиссов, в конечном счете подлинным искусством и тем самым чистым искусством нашего времени“...

Из этих основоположенных линий явствует: Пискатор хочет создать театр борьбы, он хочет воздвигнуть прожектор, который пошлет свои беспощадно-резкие снопы света в темные гнезда буржуазного общества, дабы пролетарии прозрели и открыли глаза на бессмысленную игру контрастов. В то же время этот театр должен явиться путеводителем к новому мироощущению, к новой жизни, в которой политика не заградит пути к чистому искусству.

Многие, которые, подобно мне, с восторгом следили за борьбой и развитием Пискатора, должны будут и теперь признать: Пискатор блестяще разрешил свою задачу.

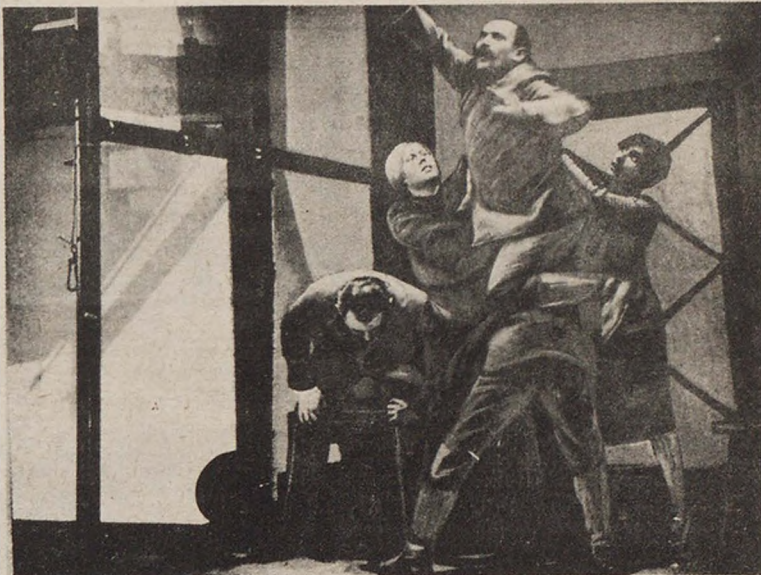
Пискатор открыл свой театр пьесой Эрнста Толлера „Гоп-ля, мы живем!“

Толлер показывает революционера, сидевшего 8 лет в сумасшедшем доме и вот вступающего на почву современности. Он поражен, когда в лице лавирующего министра узнает своего прежнего товарища по борьбе. А остальные друзья? Как они смирились, притихли! Как бы единым махом он осознает поражение пролетариата, которое другими при каждодневном их отступлении, шаг за шагом, от своих позиций еще не осознано. Толлер удачно очерчивает типы господствующего класса и их лакеев. Великолепен реформистский, „охраняющий устои государства“, министр Кильман, замечательный индустриальный магнат, психиатр, граф-фашист, сумасбродный республиканец-провинциал. Но Карл Томас—революционный рабочий—не революционер вовсе, а фантаст мелкобуржуазной сущности и лишь с революционными пароксизмами. Нечего удивляться тому, что он, после покушения на министра-предателя водворенный в тюрьму, вешается.

И все же Пискатор взял эту слабую вещь в свои руки, и она ожила. Здесь не место для подробного описания театра Пискатора. От советского театрального искусства он взял конструктивизм, от немцев—натурализм. Его большая заслуга, это — прекрасное сочетание фильма и сцены.

На сей раз он ввел новшество: он дает сцене еще одно измерение — четвертую стену. На место занавеса протянута незримая ткань и на ней пробегает фильма. Фильма играет подавляющую роль в этой

димое впечатление производит смена картин войны и революции. Пискатор дает самый мастерский репортаж, какой едва ли когда-либо был дан. Год за годом отбивают часы времени. Словно в пыхтящем

Попытка к побегу.

паровозе, мы громыаем по развалинам событий. В ослепляющих контрастах они мелькают вдоль полотна. Под аккомпанемент подхлестывающей музыки Майзеля, композитора музыки к „Потемкину“, мы видим безумие инфляции, голодные хвосты у магазинов и голые ножки балерин в мюзик-холлах. Инвалид простирает свою иссохшую руку, дуло пушки вздымается, извергает огонь и смерть, и проваливается во тьму. Автогонки, погоня за рекордами, и тут же беженцы из Марокко и Сирии показывают свои страдальческие лица. Борьба на Руре, выборная кампания, схватки боксеров, подкрадывающиеся танки, джаз-банд. 1919—1927 — дурной сон. Массивная стена сумасшедшего дома возникает на полотне. Карл Томас вновь вступает в число живых.

Конец пьесы потрясает. Товарищи опять в тюрьме. До них доходит весть, что настоящий убийца министра схвачен. Они скоро будут на свободе. Лихорадочно весть перестукиванием передается из камеры в камеру, выстукиваемые слова появляются на незримом экране, пробираются из камеры в камеру, резко, протяжно, горестно, как зов о помощи. Но Карл Томас не отвечает. Ужас охватывает их всех; как безумные, они стучат по стенам всего здания. Слова зажигаются вдоль и поперек полотна: „Карл, Карл, отвечай, — мы свободны, — ведь не ты его убил, Карл, Карл“. Но Карл Томас мертв. Мертвая тишина наступает после оглушительного шума. После первого спектакля зрители на галерке поднялись со своих мест и заплели Интернационал.

Театр Пискатора только вступил на свой путь. Надеемся, что к этому революционному режиссеру придут и революционные драматурги.

Берлин, 15 сентября 1927 г.

Ал. Гроссман

Осужденные на казнь в последний раз затягиваются папиросой по очереди.

постановке, она как бы уплотняет слабое произведение, дает ему размах и агитационную порывность. В прелюдии неизгла-

ПРИЗРАК ВОЙНЫ

На открытия памятника павшим воинам в годовщину битвы при Танненберге президент германской республики генерал Гинденбург произнес речь, в которой заявил, что Германия кайзера не несет ответственности за мировую войну. Это заявление, дополненное воинственными возгласами о реванше, вызвало оживленные толки среди французских и английских империалистов. Но французские генералы Фош и Гуро ничуть не сдержаннее, чем Гинденбург, генерал-фельдмаршал Макензен и другие немецкие милитаристы. На снимке (слева направо): германский президент Гинденбург, генерал-фельдмаршал Макензен и имперский канцлер Маркс принимают парад войск на открытии памятника в Танненберге.

Америка нанесла визит

Тысячи американских легионеров посетили Францию в знак франко-американской дружбы. Американский легион—фашистская организация военного типа, ведущая в Америке борьбу против всякого революционного движения.

Официальная Франция Пуанкаре, Пенлеве, Бриана, „королевских молодчиков“ и реакционных генералов Фоша и Гуро устроила торжественную встречу фашистским легионерам. Они продефилировали по центральным улицам Парижа перед кучками ротозеев под охраной полиции и солдат и под звуки экзотического джаз-бэнда, веселящего сердца ночных кутил парижских притонов. Все было выполнено, как полагается: возложение венка на могилу „безвестного солдата“ (лицемерный маскарад уважения к памяти павших), официальные речи и банкеты.

Итоги банкетов и пиров также были опубликованы. Американские легионеры обнаружили хороший аппетит. Они уничтожили на банкете во дворце инвалидов майонез из 2400 яиц, 300 литров прованского масла, 150 кило сахара, 600 кило фруктов, 150 кило сыра, тысячу салатов, тонну лучшего мяса и 6000 бутылок выдержанного французского вина...

Но в тот же день, когда после игрушечного парада доблестные фашистские воины разбрелись по кабакам и притонам Парижа, — в рабочем предместьи Клиши сто тысяч пролетариев демонстрировали в знак протеста против приезда вдохновителей убийц Сакко и Ванцетти. И в рабочем городке Клиши под Парижем в этот день была одна площадь крещена красным крещением—именем двух мучеников, погибших на электрическом стуле.

Стотысячная демонстрация протеста в Клиши против прибытия во Францию американских фашистов.

Редактор **М.Н. КОЛЬЦОВ**. Издатель—**АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“**. Неприятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника—воспрещается. **РЕДАКЦИЯ** — Москва 9, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12; **ГЛАВНАЯ КОНТОРА**—Москва 9, Страстной бульв. 11; телефон: 3-12 56. **Ота.** Распростр.—5-51-69, 80-64. Под'отдел подписки—1-28-19. Рекламно—35-75. Бюро иногородн. объявлений—3-91-48. Адрес для телеграмм: Москва **Огонек**. **ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**—Проспект 25 Октября, д. 1. тел. 5-28-09. **ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ**: 1 стр.—1500 р., строка непарелл.—2 руб. 50 коп. Сверх тарифа—10% налога. **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА**: на „Огонек“ с одним прил. „Альбом Советского Юмора и Сатиры“ (год. и полугод. подл.) 1 м.—40 к., 3 м.—1 р. 20 к., 6 м.—3 р. 1 г.—5 р.; с двумя прил.: 1) тома „10 лет Советского строительства“ и 2) „Альбома“ (только годовым и полугодовым) 6 м.—4 р. 50 к., 1 г.—6 р. 50 к. с тремя прил.: 1) „Библ. Огонек“ (еженед. 2 кн.) 2) „10 лет Совет. стронт.“ и 3) „Альбома“ (только годов. и полугодовым) 6 м.—9 р. 50 к., 1 г.—15 р. Прил. „10 лет Сов. стронт.“ всем остальным подписчикам „Огонька“—2 р., „Альбом“—1 р.

ЕСЛИ Вы недовольны средствами для ухода за зубами, которые Вы употребляли до сих пор, и ожидаемые результаты ухода за ними незаметны, то попробуйте **ЗУБНУЮ ПАСТУ**

ХЛОРОДОНТ

КАРМАННАЯ ДОРОЖНАЯ АПТЕЧКА

ГОСМЕДТОРГПРОМ
ХИМФАРМЗАВОД
Н.А. СЕМАШКО
МОСКВА

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

и другие наборы высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в изысканном футляре—21 предмет.

„Е“	2 р.	— к. Домашняя аптечка—21 предмет.
„Б“	3 р.	— Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—24 предм.
„В“	5 р.	— Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—31 предм.
„Ж“	—	50 к. Спортивно-карманная аптечка—8 пр. (высылается не менее 8 шт.)
„Д“	3 р. 50 к.	— Парфюмерно-косм. посыл.—11 пр.
„З“	4 р.	— Парфюмерно-косм. посыл.—13 пр.

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.
Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ пишите на отрывном купоне перевода.
При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.) пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.
Прейс-курант высылается **БЕСПЛАТНО**.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылки № 7.

Высылается во все города СССР по получении отомости (можно марками).

ИНТЕРЕСНАЯ НОВИНКА

РОСКА ПИОНЕР

НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ!
для учебных целей, телеф. абонентов, радио, канцелярий и др.

белая, небьющаяся, можно писать черными и цветными карандашами и при желании моментально стирать

КООПХИМОГРАФ ЛЕНИНГРАД
СТРЕМЯННАЯ, д. 11

С подробным и упрощенным—1 р. 25 к. штука. При заказе не менее 5 шт.—скидка 10%.

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ на ФОРМЫ ПЛИССЕ ГОФРЭ

образцы и руководство по требованию
А. ТУШНОВ.
МОСКВА, Арбат, 7.

ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ

правильно по-русски будете, если приобретете „Новый орфографический словарь“ содержащий 100.000 слов, сомнительных в правописании. Высыл. за тр. 25 к. Адр.: РУССКО-ИНОСТРАННАЯ КНИГА. Москва, ул. Герцена, 9/3.

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распроданную по технике, медицине, сель.-хоз. и др. вопросам высылает немедленно нал. пл. **Книжн. мар. „НАУКА И ЖИЗНЬ“** МОСКВА 19, Водяниженка, 4/0 (фирма сущ. с 1905 года).

50% СКИДКИ НА ПОДЕРЖАНИЕ НОТЫ

Маркези. Школа пения в 4 ч. 3 р. Кюпионе. 40 ур.—1 р. 50 к. Бетховен. Все сонаты 7 р. 50 к. т. I—4 р. т. II—3 р. 50 к., концерты 3 р., симф. т. I, II по 2 р. 50 к. Моцарт. Все сонаты—4 р. Мендельсон. Песни без слов—1 р. 50 к. Гайдн. Сонаты т. I 1 р. 50 к. Шопен. Вальсы, ноктюрны, мазурки, прелюдии, скерцо по 1 р. 50 к. Баллады и экспромты—1 р. 75 к. Полн. собр. соч. 16 р. Шуберт. Экспр. момент., мюзик и фантазии—2 р. Клементи. 12 сонатин. Нуллау. 12 сонатин по 1 р. 50 к. Чайковский. 6 симф. 2 р. Шуман. Т. I изд. Лет. (ор. 68 и др.)—3 р. **ЭТЮДЫ.** Гамон. 60 ур.—1 р. Пицца 60 ур.—1 р. Клементи—Таузин. Ступень к Парнасу—2 р. Беренс. Ор. 61 т. I—IV по 60 к. Коамер-Бюлов. Т. I—IV по 1 р. Черни. 740 т. I—VI по 90 к. Люти. Нов. сб. шк. эт. трек. октав. и др по 1 р.

ДЛЯ СЕРИИ. Мазас. ор. 36 т. I—1 р. 25 к. Крейцер. 40 шт. 1 р. 50 к. Шрадин. Скр. тех. т. I—90 к. Бетховен. Сонаты. Моцарт. Сонаты—по 4 р. 50 к.

ОПЕРЫ ДЛЯ ПЕНИЯ. Галька. Анда. Лакме по 5 р. Русел и Людмила—4-5 р., Джоконда. Оприччи, Тоэнгри, Зигфрид, Миньон по 4 р., Рогнеда—3 р.

ОПЕРЫ ДЛЯ РОЯЛЯ. Миньон. Демон. Пацци. Лакме. Фауст по 1 р. 50 к. Гугеноты, Анда, Тангейзер по 1 р. Кармен, Руслан и Людмила по 2 р.

ОПЕРЕТТЫ ДЛЯ РОЯЛЯ. Маскотта. Веселая вдова. Периколла. Никий Студент по 1 р. 50 к.

В 4 РУКИ. Бетховен.—Симф. т. I и II, Шуман. Симф., Чайковский. 6 симф. по 2 р. 50 к. Гайдн. Симф. т. I, II; Бах. Венг. танцы по 1 р. 25 к. Шуберт. Симф. 3 р., марши 1 р. 50 к. Мендельсон. Вебер. Бетховен увертюры по 2 р. Вальсы, отар. цыг. ром. по 25 к. за лист. Романсы, арии, пьесы для разн. инстр. по 15 к. за лист. Все новые ноты по ценам издательства.

Нотный магазин „Музыкант“
Ленинград, д. 25* Ул. Восстания д. 2—116. Заказы на сумму до 10 р. высыл. налож. плат. без задатка, свыше 10 р.—задаток 30% суммы заказа. Цены без пересылки.

ЭКЗАМЕН СЧЕТОВОДОВ

и бухгалтеров. 100 ответов на вопросы экспертов с объясн. и теорией сложных ст. в журнальн. ст-х. Вполне заменяет учителя. Цена книжки „ЭКСПЕРТИЗА“ 75 коп. Прислать. налич. перес. за наш счет. Москва. Автору книг по бухгалтерии С. Вольченко, почт. ящ. 473. Того же автора курс каллиграфии и скорописи. Полное исчерп. ПОЧЕРКА. Цена 1 р. 25 к. Издательство Всерос. Кооп. Союз „КНИГОСОЮЗ“ Тверск. бульв. № 10. Премьер. на всех европ. выставках. Просьба не смешивать с др. изданиями „Почерк“. 1-е издан. вышло в 1890 г. Худож. выполн. гравюр. прописки.

Красивый, нежный, цветущий вид может иметь каждая женщина, познав секреты рационального ухода за красотой лица **ПО НОВЕЙШЕМУ МЕТОДУ Парижского Института Красоты** (Institut de Beauté), а также при помощи применения косметического самомассирования и художественного грима умело скрыть недостатки красоты и подчеркнуть ее достоинства, предохранить лицо от преждевременной старости, избавиться от морщин, угрей, прыщей, веснушек, и проч. Значение важнейших источников красоты и здоровья: ПИТАНИЕ, ВОДА, МАССАЖ, ДЫХАНИЕ. Книга „Нуль красоты лица“ с приложением рецептов доктора Ламана высыл. немед. без задатка, налож. плат. Цена с перес. 3 р 75 к. Адрес: ЛЕНИНГРАД, главный почтамт, почт. ящ. № 24.

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Олеан. ЖЕЛТЫЙ СМЕХ. Ром. прикл. 1.25 к. Бенау. ПРОКАЖЕННЫЙ КОРОЛЬ. Ром. прикл. 1.50 к. Каду. АТЛАНТИДА ПОД ВОДОЙ. Ром. прикл. 2 р. Хаггард. БРАТЯ-ВОЛКИ. Ром. 1 р. Зелгер. ПЕТЕР ФОСС, похититель миллионов. Ром. 1.55 к. Люисето. ЗАПИСКИ ШПИОНА. Ром. 1 р. Мюллер. ПИРАТ КОРОЛЕВЬ. 70 к. Добнаш. КРЕСТОМ И МЕЧОМ Пирак. Ричарда. Льюисо Сердце. 1 р. Мухомов. ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. Иллюстрир. фантаст. ром. 1 р. Клемент. ПОД ДНОМ МОРСКИМ. Фант. ром. 1.25 к. Эрхардт. ПОСЛЕДНЯЯ ВЛАСТЬ. Ром.-утопия. 1.20 к. Дюмьесть. КРАСАВИЦА с острова Люлю. 1.25 к. Доллар. МЕСС-МЕНД. Фантаст. ром. 1.20 к. Орловский. МАШИНА УЖАСА. Фантаст. 85 к. Ландобергср. РОМАН АВАНТЮРИСТА. 1.40 к.

и ВСЕ книги ВСЕХ изд-ств высылают наложенным платежом без задатка
Коопер. Т-во „СОТРУДНИК ПРОВИНЦИИ“
МОСКВА 9, ул. Огарева 3.

ЗУБНАЯ ПАСТА „ОДЕНТИН“

**ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО
для
СОХРАНЕНИЯ
и
БЕЛИЗНЫ
ЗУБОВ**

**ЦЕНА
ТУБКА
25 к.**

ИЗУЧИТЬ

бухгалтерию, stenografiyu, каллиграфию (исправл. почерка) рисован. шрифт. **МОЖЕТ НАЙТИ У СЕБЯ ДОМА** без помощи учт.

Подроби. сведен. высыл. бесплатно.
ЛЕНИНГРАД, пр. Володарского, 58
Книжн. дело „ПРАКТИЧЕС. ЗНАНИЯ“
Ленинград, Чернышев а., 20. Т. 189-30.

КТО СТРАШЕТ МОЗОЛЯМИ

ИСПЫТАННОЕ ВЕЩНОЕ СРЕДСТВО
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ АЦИГЛЕР
ПРОДАЕТСЯ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ
СУЩ. с 1884 г. МОСКВА в КОЗЛОВСКИЙ 12 ЛАВКА. ЦИГЛЕР

РАЗБОРНЫЕ МОДЕЛИ

- 1) Двигатель 3-х фазного тока под редакц. проф. А. Раддиг. Цена с пер. 2 р. 80 к.
- 2) Паровая машина дв. расшир. под редакц. проф. А. Раддиг. Цена с пер. 2 р. 80 к.
- 3) Двигатель внутр. сгор. (Дизель) под ред. проф. Д. Дьякова. Цена с пер. 3 р. 80 к.
- 4) Паровая турбина под ред. проф. Дьякова. Цена с пер. 3 р. 80 к.

Модели воспроизводят в 7 красках полную конструкцию машины, сопровождаются общедоступным описанием и дают возможность разбирать и осматривать все части машины. Размер модели 24×34 см. Высыл. наложным плат. Заказы направлять: Ленинград, Театральная па., 2/32. Инж. Я. Ф. АЛТШУЛЕРУ.

ВЫПИСЫВАЙТЕ БЕЗ РИСКА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

**ЦЕНЫ и КАЧЕСТВО
ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ.**

Балалайки
5.50, 7.25, 9.30 и 12 р.

Гитары
15.50, 19, 22.50 26.50 и 30 р.

Мандолины
15, 19, 22, 25 р.

ГАРМОНИИ
32, 50, 60, 75, 85 и дороже.

ТРЕБУЕТСЯ СМЕТЫ НА СТРУННЫЕ ОРКЕСТРЫ.
Треб. за две 8-и. марки, влож. в конверт, поли. иллюстр. пр.-мур. о бесплатн. арил. „История: муз. инстр., их пришлое и совр. значен.“, пр.-доп. О. Чеснокова, и отен. табель-на-ладарь.

БЮРО ПОЧТО-ПОСЫЛКА
МОСКВА ПОКРОВКА 16/32

ВНИМАНИЕ! НОВЫЕ КНИГИ

Д-р КРАФЕЛЬД—Гипноз и внушение. 1 р., с пер. 1 р. 30 к. Д-р мед. ДРЕКСЛЕР.—Как предохранить себя от беременности, не прибегая к аборту. 112 стр. 37 рис. 1 р. 20 к., с пер. 1 р. 50 к. Д-р ЯНОВСОН.—Половая холодность женщины. 2 доп. изд., с 28 рис., 2 р. 25 коп. Верный заработок на дому! БРОДЕРСЕН.—Техно-химические рецепты. 2 р. 10 к., с пер. 3 р. Самоучитель фотографии в современных условиях. 4 вып. 2 р. 50 к., с пер. 3 р. РУДЬ. Хозяйка-мушкетер. 1875 обедов. 3 р. 50 к. ФОРЕЛЬ.—Половой вопрос, гигиеническое и соц. исследование. 4 р. ПЕСОЦКИЙ Н.—Полный курс отоларингологии. 407 рисунк. 3 р. 50 к. ЛЕРМОНОВ.—Соч. 2 т., изд. Вольфа, 3 р. МЕТЕРЛИН.—Соч. 8 кн., 2 р. ГОРБУНОВ.—Соч. 4 кн., 1 р. УСПЕНСКИЙ.—Соч. 23 кн., 4 р. ЧЕХОВ.—Соч. 23 т. в пер., 10 р. ГОГОЛЬ.—Соч. 10 т., изд. Брокгауз и Ефрон, вместо 25 р. только 8 р. ГЕННЕ.—Соч. 16 кн., 3 р. ИОРДЕНКО.—Соч. 27 кн., 6 р. Требования адресов. Ленинград, пр. Володарского 55/5. Книжный магазин «ТЕХНИКА И МЕДИЦИНА».

ВНИМАНИЮ ВСЕХ! НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПОЛЕЗНЫЕ Книги

Поступили в продажу и высылаются наложенным платежом. Цены без пересылки.

2000 Практических техно-химических рецептов по всем отраслям производства и хозяйства. А. Сост. И. Рудь. 534 стр. 927 фото. Ц. 3 р. 50 к. в папке 4 р.

Первая полная поваренная книга «Хозяйка-мушкетер» 1370 различных мясных и вегетарианских блюд, заготовок, солений, маринадов, печений, варений и напитков. Сост. З. П. Рудь. 497 стр. на отличной бумаге. 1927 года. Ц. 3 р. 50 к., в папке 4 р.

Половая холодность женщины. Д-ра Яковсона. 190 стр., с 23 рис. 1927 г. Ц. 2 р. 25 к.

Полн. иллюстрир. словарь иностранных слов. 676 стр., 212 рис. Сост. И. Вайсблит. 1926 г. Ц. 2 р. 50 к. Эпитуки охотника. Г. Гакмакина. 308 стр. с рис. 1925 г. Ц. 1 р.

Практическая фотография. Полное руководство в 3 частях 384 стр. 129 рис. Сост. Б. Ефремов. 1927 г. Ц. 3 р.

50 пчеловодных бесед. М. Дерна. 1927 г. 90 к.

Ветроуловители для мельниц водоканалов, электростанций и пр. Состав. инженер. Фенкель. 175 стр., 1927 г. Ц. 2 р. 50 к.

Муномельно-рупиное производство, ремонт и постройка мельниц, инж. Ковылина. 468 стр., 571 рис. 1926 г. Ц. 5 руб.

Яковсон. Половые расстройства у мужчин. 1927 г. 168 стр. Ц. 1 р. 25 к.

А. П. Чехов. Полное собрание сочинений. 23 тома в 10 томах. 10 руб.

При заказе высылаются бесплатно полный каталог книг 500 названий. Гыслюлю все книги деревенскими и новейших изданий всех частных и гос. дартственных издательств.

ТРЕБОВАНИЯ НАПРАВЛЯТЬ:

**Книжный магазин
И. Ф. КОСЦОВА.**

Существо. с 1905 г. Ленинград, Прол. Володарского, 46/4.

ПРОДАЖА во ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ и ГИГИЕНЫ СССР.

ЦЕНА 1 кор. в капсулах—60 коп. ЦЕНА 1 кор. в таблетках—40 коп.

Высылаются почтой наложен. платежом не менее 5 коробок. — Пересылка бесплатно.

ВНИМАНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИТИНА: «Употребление фитина в желатиновых капсулах не имеет никаких преимуществ перед приемом их в виде таблеток и основано на привычке, привитой частными фабрикантами в целях удорожания и излишней наживы. В таблетках имеется то же количество фитина, того же высокого качества. Число таблеток в коробке такое же, как и капсул в одной коробке. Но упавшая в капсулу стоит значительно дороже, и потребитель, получая одно и то же, переплачивает за упаковку. Употребляя фитин в таблетках, вместо капсул, Вы вместо одной коробки в капсулах за те же деньги будете иметь полторы коробки в таблетках».

ГОСМЕДТОРГПРОМ

АДРЕС: МОСКВА, Центр, Госмедторгпром, Отдел посылок № 7.

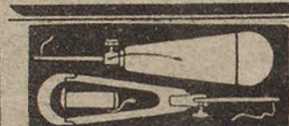

ГОСМЕДТОРГПРОМА

из РАСТИТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ С БОГАТЫМ СОДЕРЖАНИЕМ ФОСФОРА, ЛЕГКО УСВАИВАЕТСЯ ОРГАНИЗМОМ, ВОССТАНАВЛИВАЕТ и УКРЕПЛЯЕТ НЕРВНУЮ и КОСТНУЮ СИСТЕМУ

ФОТО-ПОРТРЕТ

увеличение с любой карточки и напечатать в **БАГЕТНОЙ РАМЕ** 10x12 вершк.—5 руб., 12x14—8 руб. на **БРОШКАХ** и **БУЛАВКАХ** **ФОТО-ЭМАЛЬ** Квадр., овал., и круг. формы от 1-5 см. Больш. 3 р., средн. 2 р., мал. 1 р. 50 к. Карточки высылайте без задатка (возвращу в целости). Москва 21, Дашков пер. д. № 10. Б. Шварцман, при 3-х ЗАКАЗАХ—4-й БЕСПЛАТНО.

Универсальный ПРИБОР с 3-мя разными иглами ШВЕТ машинным швом драп. и пинто. Небход. в каждом доме, в дороге, в походе и на охоте для шитья сапожн., шор, брезент., войлочн. издел. и конторск. бумаг. **Козаменим** в крестьянск. хозяйстве. Ц. **прибора** с перес. и рук. 2 р. 50 к. При заказе 50% задатка, можно марками. Москва, Центр. Анабьевский пер. д. 16/18/9. Мех. Пр-во И. М. Загорелин.

ОХОТНИКАМ, любителям животных, школам, библиотекам и всем интересующимся животными рекомендуется редкая **КНИГА**

Владимир ДУРОВ. ДРЕССИРОВКА ЖИВОТНЫХ

СОБАК, КОШЕК, ПТИЦ, ЗВЕРЕЙ и пр. Книга написана на основании 40-летнего изучения животных изложена доступным языком, является прекрасным РУКОВОДСТВОМ ПО ДРЕССИРОВКЕ и читается с большим интересом всеми. В книге 504 страницы и много рисунков. Цена 3 руб., с пересылкой 3 р. 75 коп. (При высылке денег или почт. марок вперед высылаются за 3 р. 65 к.). Нижегород. общ. книж. склад «КНИГОВЕД». Москва, ул. Герцена 22

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОР ВСЕВОЗМОЖНОЙ РАДИО-АППАРАТУРЫ и ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Кто хочет сделаться хорошим оратором, тот должен выпустить новую книгу: «Ораторское искусство». С приложением: Искусство спойть и острожить. Составл. по сочин. проф. З. Гейслера, З. Фрейда, Р. Герлинга и др. Высыл. по получении 1 р. 20 к. или наложен. плат. на 1 р. 35 к. Адрес: Г. Пенза, абонем. инж. № 30 (трехд. тый), издатель Г. Д. Давыдову.

Иллюстрированный преис-куррант-сравочник высыл. за 24 коп. марками. Заказы выполняются наложен. платежом по получении 25% задатка. Ленинград, пр. Володарского 51.

НОВОСТИ!

для УЧАЩИХСЯ и ЛЮБИТЕЛЕЙ ФОТОГРАФИИ ВЫШЛО НОВОЕ ПОСОБИЕ

АРЬЯНАС, Г. Я. ВВЕДЕНИЕ В ФОТОГРАФИЮ

стр. 251, цена в переплете 1 р. 70 к. Издан. ГОСИЗДАТ РЕФСР Продажа во всех книжных магазинах Государствен. издат. РСФСР. Москва, центр, Госиздат, «КНИГА ПОЧТОЙ» высылают книги наложен. платежом немедленно по получении заказа

„ПОРТНОЙ“

Первый художеств. альбом-учебник шитья дамск. и мужск. платья. Сист. Катун, с 320 рис. на отд. лист. 223 стр. Ц. 4 р. Руководство для Модного Закройщика, сист. Ф. Руссель в Париже в II част. Ц. 10 р. Книжки высыл. налож. платеж. 12.000 назван. каталог за 30 к. м.р.к. Заказы и деньги направлять: Ленинград, пр. Володарского 59-у, «НАУКА И ЗНАНИЕ».

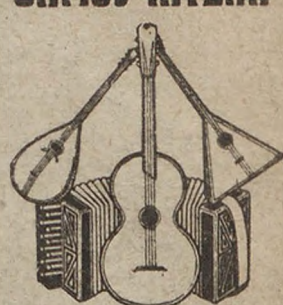
ПОЖАРЫ и УВЕЧЬЯ бывают у того, кто не имеет карт.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ФОНАРИ ЗАГРЯНИЧНОЙ модели. Высылаем наложен. платежом. Фонарь с боковым стеклом ц. 4 р., с верх. стеклом ц. 8 р. Оптом. покупателям особ. льготные условия. Адрес: Москва 54. Выставочный 21. ПРОИЗВОДСТВО ФОНАРЕЙ

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

САМОУЧИТЕЛЬ ВСЕХ РЕМЕСЕЛ в одной книге. Плотничн., столярные, токарные, отделка деревянных изделий, корзинные, бочарные, картонажные, переплетные, проволоочные, кузнечные, слесарные, токарные по металлу паяние, лужение, никелирование, выделка овчин, варка мыла, выделка щеток, кистей, веревочн., производство крахмала, зеркальные, обувные, голицарные, печные, малярные и штукатурные работы, изготовление детекторного радиоприемника. Со 148 рисунками. Цена с пересылкой 3 р. 50 к. Можно посылать мелкими почтовыми марками. Заказы и деньги направлять: Книжный склад «КНИГОВЕД» Москва, 19. ул. Герцена 22.

САМОУЧИТЕЛИ

по ПОТНО-ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ для БАЯНА

Орлянский-Титаренко, для разных систем. Ц. 3 р.

для ГАРМОНИКИ 3-РЯДН. Орлянский-Титаренко, с новейшими песнями. Ц. 1 р. 50 к.

для БАЛАЛАЙКИ Н. Исаков (по цифров. системе) Ц. 75 к.

для МАНДОЛИНЫ Н. Исаков. Нов. самоучитель с 47 песнями. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Исаков. 15 альбомов для манд. с последн. новинками. За альбом от 1 р. до 1 р. 50 к.

для ГИТАРЫ А. Фишер (по цифров. сист.) с 22 нов. пес. Ц. 1 р.

Н. Исаков. Новые песни Ц. 1 р. 25 к.

Струны и мел. музык. принадл. для всех инструм., а также БАЛАЛАЙКИ в 6, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 р.

ГИТАРЫ в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р.

МАНДОЛИНЫ в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р.

Высыл. налож. плат. до 5 р. без задат. Перес. за счет заказчика. Заказы направлять по адресу:

НОТЫЙ СКАД

ЛЕОН ВАЛЯЩИК

Ленинград, Гостин. двор, 12.

У СЕБЯ ДОМА каждый может легко приготовить ПРЕВОСХОДНЫЙ КОФЕ из кефирных лепешек (проц. Я. И. Александрова, руководит. Наркоминд. Р. С. С. Р. ЛЕНИНГРАД, Саперный б. д. 6 гед. 5-40-92 Пров. Я. И. Александрову.

ВЫПИСЫВАЙТЕ ПО ПОЧТЕ

МУЗЫКА

Балалайки 5,50, 6, 6,25, 6,75, 7,80, 8,65, 9,60, 13, 15, 18.

Гитары 15, 18, 19, 22, 26, 30, 35. Концертные 40, 50.

Мандолины 15, 19, 25, 30, 35. Концертные 40, 50, 70.

Гармони 35, 40, 55, 75, 90 и др.

Граммофоны 50, 75, 80, 95.

Пионер. барабаны 15, 16, 19, 25.

Горны 17, 19, 22, 27, 30.

Местомкам, клубам и коллективам скидка 50%. Заказы исполняем немедленно. Задаток 25%, остальное наложенным платежом. Полный иллюстрированный преис-куррант высылается за 2 восьмилетние марки.

Почтово-посылоч. БЮРО МОСКВА, Гл. Почт., ящ. 1031!